

ТОРОПОВСКИЕ СТРАНИЦЫ

Сборник статей и воспоминаний

Выпуск 4

Ярославль 2013

УДК 316.343.32(470.316)(093.3)
ББК ТЗ(2Рос-4Яро)я43+Т214-2я43
Т61

Тороповские страницы. Выпуск 4.

Сборник статей и воспоминаний.

Ярославль: “Аверс Плюс”, 2013. – 96 с., 50 ил.

Выпуск посвящается 95-летию со дня рождения Тимрота Александра Дмитриевича.

В настоящий сборник вошли воспоминания об Александре Дмитриевиче Тимроте. Его детство, война, работа в музее Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и Государственном Литературном музее. Публикуется последнее интервью, которое Александр Дмитриевич дал районной даниловской газете в 2005 году.

Вторая часть сборника посвящена памяти участников Великой Отечественной войны, жителей тороповского сельского округа.

В разделах *летопись* и *фотоархив* размещена новая серия исторических фотографий.

Общественное творческое достояние. Свободное распространение
BY-NC-ND «с указанием авторства/некоммерческое/без производных»

ISBN 978-5-9527-0212-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Р. А. Армеев.</i> Далеко ли от Торопова до Ясной Поляны?	4
<i>Р. А. Армеев.</i> Софья Толстая-Есенина-Тимрот	16
<i>Е. Д. Михайлова.</i> Александр Дмитриевич Тимрот	26
<i>Валерий Ясов, Марина Озерова.</i> Наши встречи с А. Д. Тимротом	33
<i>А. Д. Тимрот.</i> Черный лес. Быль	40
<i>В. А. Тимрот.</i> Две строчки об отце...	44
Горькая соль земли	46
<i>Михаил Глазков.</i> Поэма "Георгий Тимрот"	49
Тороповская летопись	
Фронтовики	56
Пионерский слет 1975 г.	74
Тороповский фотоархив	79
Приложения	90

«ДАЛЕКО ЛИ ОТ ТОРОПОВА ДО ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ?»

Руслан Армеев.¹

Кто-нибудь когда-нибудь соберется с духом (и деньгами) и составит-напишет нужную всем нам книгу под простым названием "Земляки". Думаю, выйдет она толстой-претолстой — сколько ведь даниловских людей из города и села разъехалось по белу свету! И у каждого своя судьба, своя жизненная история и непременно поучительная (заверяю: неинтересных людей нет!). У каждого своя память о малой родине, свой ее образ в душе, своя поддержка-подпитка из даниловских детства-юности.

Вот и мой теперешний собеседник — Александр Дмитриевич Тимрот признается:

— У меня в жизни два фундамента. И первый — мое родное Торопово. А второй...

Тут я останавлиюсь и представляю вам и собеседника, и обстоятельства нашей беседы. Александру Дмитриевичу 30 сентября будет 90 лет², но он бодр, памятлив, фотогеничен. Его отец Дмитрий Егорович Тимрот — последний перед революцией 1917-ого владелец имения в селе Торопово Даниловского уезда. А разговариваем мы в московской квартире

Александра Дмитриевича в доме на престижном Кутузовском проспекте. Из окна виден — на том берегу Москвы-реки — правительственный Белый дом, прямо перед нами — высотная

¹ Это интервью опубликовано в газете "Северянка", 04.08.2005

² Однако см. автобиографический рассказ А. Д. Тимрота «Черный лес» на стр. 40.

гостиница "Украина". Хозяин квартиры приветлив, отзывчив. Похоже, сердце его еще смягчилось от произнесенного мною вначале пароля: "Данилов, Торопово". Сидим, значит, беседуем уже второй час. Он, кстати, говорит Торопово, ударяя на втором слоге, а мы привыкли по-другому — на первом.

— Александр Дмитриевич, ведь Тимрот не даниловская фамилия и даже не русская...

— Да-да, — немецкая. Мои предки двести с лишним лет назад приехали в Россию из Германии и прочно осели здесь, приняли православие. "Тимрот" — в переводе означает — ха-ха! — "рыжий Тим".

— Я искал в Интернете вашу фамилию и много чего нашел. Поразил капитан Тимрот. Он увековечен в галерее славы храма Христа Спасителя в Москве. Фамилия выбита на одной из мраморных досок среди тех, кто отличился в сражении при Колоцком монастыре, Шевардине и Бородине 24 и 26 августа 1812 года. Все они были награждены орденом Святого Георгия 4-й степени...

— Это, судя по всему, Александр Иванович Тимрот¹, мой прадедушка. В Историческом музее хранится его именная сабля с надписью "За храбрость". С той Отечественной войны он вернулся живым и заслуженным — причинах и наградах, был старшим офицером в Семеновском полку. А пришел на трон Николай Первый — назначил его командовать Измайловским полком.

¹ Здесь неточность — в храме ХС упоминание Фёдора (Фридриха) Тимрота (1779-1828), двоюродного брата Александра Ивановича (Генриха Иоганна). См. ТС, вып. 2, стр. 69.

Государь был крестным отцом одного из сыновей Александра Ивановича... Впрочем, Тимротов сегодня по всему свету встретишь. В Швеции их много, в Дании, в Америке, есть даже в Аргентине...

— Еще Интернет сообщил, что Егор Александрович Тимрот в 1865-м году стал председателем Ярославской губернской земской управы...

— Прав ваш Интернет. Это мой дед гордился тем, что никогда не имел крепостных. Он закончил Царскосельский — пушкинский — лицей. Тут как вышло? Едва земства образовались, дед стал первым председателем, а когда их революция распу-

скала, отец мой Дмитрий Егорович был в том же Ярославле председателем последним. Я уж потом слышал от людей благодарные отзывы об отце — много занимался он школами, больницами, ветеринарными лечебницами. Отец был и предводителем уездного дворянства в Данилове.

— А как Тимроты в Ярославль попали?

— Очень просто. Дед женился на Софье Павловне Кругликовой — владелице имения под Даниловом, в Торопове, и перебрался с берегов Невы на берега Волги.

— Вы-то где родились?

— В Ярославле, в 15-м году. Когда началось ярославское восстание — в 18-м, — отец сейчас же забрал всю семью и уехал в Торопово.

— Вся семья — это кто да кто?

— Мама моя, Наталья Михайловна, старший брат, Дмитрий (он с 1905 года), средний, Георгий (с 1914-го), сестра Софья. Приехала туда и моя тетка Любовь Михайловна, сестра матери.

— Помещик с семьей прибыл в свое имение, а кругом — советская власть...

— Приехали бывшие... И жили в своей усадьбе, по-моему, до 28-го года. И никто нас не разорял, никто не поджигал, ни выпадов никаких против не было, ни ругани. У нас с людьми установились прекрасные отношения. Мальчишки в округе все стали моими друзьями. Мать, правда, предлагала отдать и землю, и усадьбу и уехать, но отец не пошел на это и правильно сделал. Мы там прокормились в голодное время.

— А в 28-м?

— В тот год нас реквизировали. Приехал из Данилова очень хороший человек, совсем не грубиян, все имущество, которое там было, описал, а мы переехали через речку в дом для отставных священников. И жили там долго. Дом

числился на моей тетке Любови Михайловне, заслуженной учительнице, — может, поэтому нас и не трогали. Хотя все могло быть, но Бог хранил. А в бывшей усадьбе возник сыроваренный заводик. Моя мать потом ходила туда за сывороткой — поросенка кормить.

— Значит, первые ваши воспоминания — о Торопове? Там же состоялось, можно сказать, и открытие мира?

— Да, тороповское детство — это фундамент, на котором я вырос, это основание моей души. И место замечательное. Это, так называемый, Даниловский кряж — холмы, холмы... И сам Данилов на холме, и монастырь Казанский — на Горушке, на холме то есть. Но когда я начинаю вспоминать то время, в памяти возникает прежде всего река — моя милая Вожа. Мы были такими заядлыми рыболовами, каких свет не видел, — с утра до вечера на реке! Ловили налимов под камнями, ловили раков, ставили жерлицы, с удочками ходили. Помню, как учили меня ловить рыбу саком. Мальчишкой я прислуживал в церкви. Воскресенская церковь там — чудесная! Помню все иконы, где какие были, и помню очень ярко.

Еще помнятся домашние чтения — у нас была неплохая библиотека. Мама особо чтит Льва Толстого. И мне это передалось. Толстой — первый писатель, который был и остается моим учителем, моей опорой. Отец нередко вслух что-нибудь читал, и прежде всего — "Войну и мир". Еще, помню, Леонид Андреев на меня очень сильно повлиял. Замечательное было чтение "В лесах" и "На горах" Мельникова-Печерского.

Надо сказать, что я рос, а вокруг меня были любовь и согласие. Отец с матерью чудесно жили. В свое время родственники отца не хотели, чтобы он на поповой дочке женился (моя мама из семьи священника), и искали ему богатую невесту. Но отец настоял на своем: "Мою Наташу ни на кого не променяю".

В Торопове я начальную школу закончил, а в пятый класс ходил в Данилов — 12 верст, часто по грязи, в

дождь. На Соборной площади была такая школа — имени Песталоцци.

— Здание-то сохранилось, там теперь музей...

— Так вот, ее вскоре преобразовали в ШРМ — школу крестьянской молодежи, она стала семилеткой. А я потом поступил в техникум в селе Вятское. Перед войной успел пройти курс в Ярославском пединституте на словесном, филологическом, отделении.

— А Торопово?..

— В Торопове бывал набегам. Отец-то сначала работал в даниловском уездном суде, а потом — при мне еще — тяжело заболел, удар с ним случился, по-теперешнему инсульт. Из Данилова приезжал лечить его знаменитый врач Троицкий. Помню: врач в красных бурках, и все время кладет отцу лед на голову. И поднял его на ноги. Потом у отца был второй удар, и после него он не смог ездить в Данилов, стал работать бухгалтером на сыроваренном заводе. С большой — выше его — палкой ходил. А когда и ходить не мог, все стоял у печки, руки назад.

— Скажите два слова о ваших братьях, сестре, как их жизнь сложилась?

— Дмитрий посвятил жизнь школе, детям, был и учителем, и директором школы. Работал сперва в Вятском, а после войны — весь фронт прошел — в Ярославле. Умер поздно, почти в 90 лет, оставил довольно обширное потомство... Сестра Соня не так давно скончалась. Всю жизнь она преподавала немецкий язык... Брат Георгий пошел по технической части и весьма преуспел, закончил Институт железнодорожного транспорта в Москве, что-то изобрел, получил высокую премию. А на фронте попал в плен. Он, надо сказать, по-немецки говорил великолепно. Немцы предложили ему сотрудничать — ведь ты,

мол, наш, наших кровей. Георгий отказался. Его побили. Он все равно отказался. Его избили до ужаса. Он отказался. Его расстреляли... Мне об этом потом рассказали люди, которые были с ним в плену.

— Война и вас не обошла?

— Война никого не обошла. Вспоминаешь сейчас и с ужасом, и с каким-то теплым чувством. Я в основном служил в разведке, а там у нас товарищество было исключительное. И только в последнее военное время стал начальником штаба. В конце войны оказались мы в Берлине. Вот вам забавный эпизод. Город уже сдался, мы сидим в каком-то доме за столом, пьем, едим, веселимся. Вдруг окошко — дзынь! — пуля влетела и прямо в бутылку попала. Вино разлилось! Мы очень огорчились, пришлось за новой бутылкой спускаться в подвал. Веселились, однако, рано — вдруг получаем карты: направление на Прагу. Неприятно. И вот на полпути к Праге, в лесу, я спал и слышу крики "ура!", стрельбу такую, какую и вообразить нельзя. Победа! Окончание войны отметили так: запрягли лошадь в найденную где-то карету и — поехали, — дурака валяли от счастья.... Ну а потом медленно-медленно возвращались домой. Я демобилизовался летом и сразу — в Торопово, к родным, к отцу и матери. Отец вскоре умер... Новый, 1946 год я встречал у сестры Софьи¹, в Москве. У меня началась другая жизнь.

¹ двоюродная сестра, Софья Дмитриевна Свербеева, в 1-м браке кн. Шаховская, во 2-м Тимрот. См. ТС, вып. 3, ч. 2, стр. 162.

— Ясная Поляна, пенаты Льва Толстого?..

— Это был удивительный поворот в моей судьбе. Вызывают меня в ЦК, в сектор по РСФСР, — а я был уже членом партии, — и в отделе культуры говорят: вот в Ясной Поляне директор очень болен, ищет себе помощника. А у вас диплом филолога, не поедете ли туда научным сотрудником? Я соглашаюсь. Но сначала надо зайти к внучке Толстого — Софье Андреевне Толстой-Есениной, бывшей тогда директором объединенных толстовских музеев. Она меня расспросила и удивилась: "Ну, у вас биография, как слеза младенца!"

А когда впервые ехал в Ясную Поляну, очень волновался. Мне перед этим Софья Андреевна сказала: мы позвоним туда, и вам лошадь вышлют. Я говорю: а сколько там от станции идти? — Да что-то километра три-четыре. — Господи, да я с удовольствием пройдусь!.. Это было зимой, все в снегу, заснеженные толстовские дубы, все дорожки в усадьбе расчищены... А я ведь и детство, и юность, можно сказать, провел с Толстым. Мне тогда показалось, что я иду к себе домой, будто всю жизнь там прожил... Вот мой второй, вслед за Тороповом, фундамент — Лев Толстой.

— Ясная Поляна после войны представляла печальное зрелище?

— Нет-нет, там уже многое было восстановлено. Хорошо, что в октябре 41-го экспонаты и документы дома-музея успели отправить в Томск — 110 ящиков. Эвакуацию организовывала Софья Андреевна. Ясную Поляну немцы держали 45 дней, а, отступая, подожгли усадьбу, но пожар удалось быстро потушить. Уже к маю 42-го была вчерне закончена реставрация, хотя экспонаты вернулись на место лишь в 45-м. Но и потом, когда я приехал туда, работы было хоть отбавляй. Предстояла основательная реставрация дома Толстого, надо было восстановить утраченные хозяйственные постройки, сад, вымерзший за годы войны. Много пришлось заниматься с фондами музея... Вскоре я стал директором Ясной Поляны.

— А как складывались отношения с внучкой Льва Николаевича? Не секрет, что теперь ее полная фамилия могла бы звучать так: Толстая-Сухотина-Есенина-Тимрот...

— Мы с ней как-то быстро сошлись. Софья Андреевна приезжала в Ясную Поляну, интересовалась моими делами. Она сразу поняла мои интересы, которые тогда во мне были, пробудила их и как-то не насильственно, но все же связала меня внутренне. Она была инициатором нашего брака. Я считаю, что сыграл в ее жизни роль не меньшую, чем она в моей. Она была старше меня на 15 лет, но я не чувствовал этого. Софья Андреевна — очень редкий человек. Из Толстых, я бы сказал, самая интересная. Она больше всех Толстых, так называемых "бородачей", и внешне, и внутренне была похожа на своего знаменитого предка. В ней все было толстовское. Ее уважали необыкновенно.

Жили мы вместе с 47-го по 54-й год. Было время, когда все складывалось очень хорошо, особенно в первые годы. Но пришел момент, когда я почувствовал, что моя жизнь тоже имеет право на самостоятельное существование, и тогда я стал осторожно, не грубо, отходить от Софьи Андреевны. Мы расстались в 54-м...

— Софья Андреевна оставила какие-нибудь мемуары?

— У нее есть короткие воспоминания о Сергее Есенине. Они ведь недолго были вместе — в марте 25-го года познакомились, летом поженились, а в декабре поэта не стало. Из ее рассказов помню, как Есенина терзало, что у нее все время на уме Толстой, Толстой, Толстой. Мне, говорил, надоела эта борода... У них брак был очень искусственный.

— После развода с Софьей Андреевной вы разошлись и с Ясной Поляной?

— Нет, еще немало лет там работал. А в 1961-м меня перевели в Москву. На целых десять лет я стал директором Государственного литературного музея. Это огромное

Середина 1960-х

хозяйство, крупнейший музей. В то время он располагался в семнадцати зданиях, имел больше десяти филиалов... А потом меня сцапал замминистра культуры и говорит: сдавай все дела, пойдешь замом директора Института культуры. Тогда он только что создавался. Сейчас институт называется как-то по-другому. Вот с 71-го и до пенсии в 85-м был я замом по науке.

— Судя по библиотечным каталогам, вы еще успевали писать книги...

— Книги — громко сказано. Меня интересовали страницы московской жизни наших классиков — Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Пришвина... Московские издательства охотно публиковали мои небольшие исследования на эту тему. Кое-какие авторские экземпляры у меня еще остались, могу подарить даниловским библиотекам...

— Спасибо. И книжки выходили, и дети рождались...

— После развода я вскоре вновь женился. Жену звали Татьяной, она была архитектором — 20 лет как нет ее в живых. Родила мне двоих сыновей. Владимир, юрист, живет с семьей в Америке, — увез, кстати, с собой весь семейный архив. Звал и меня туда, но я не смог оторваться, я привык к России... Сын Дмитрий закончил исторический факультет МГУ, отделение истории и теории искусства, а потом принял монашество с именем Амвросия, стал священником, служил в монастырях Московской области. Несколько лет назад вышел за штат, теперь преподает, занимается переводами, пишет иконы...

— Александр Дмитриевич, не осталось ли у вас каких-нибудь памятных вещичек из Торопова — пряжка, рамка, подсвечник?

— Увы, ни-че-го!.. Последний раз я там был в... 55-м году. Надо же, уже полвека прошло! Жалко было видеть школу, которая вся покосилась, клуб, который разъехался, церковь порушенную... Навестил мои родные могилы.

— Село-то теперь возрождается...

— Ну, дай Бог!... Кстати, родственник мой Соколов в своей книге о Торопове кое-что напутал. Никогда село не называлось Куклин Угол. Мало ли что полуграмотный дьячок записал в церковной книге! И речки Куколки там не было — Вожа была, и еще Малая Вожа. Она течет от

Подольнова — там только налимы водились — и впадает на полпути от Подольнова к Взглядову... Куколка — так назывался лес. Это там, где Попов бочаг. Отчего сохраняется название Ку克林 Угол? Там стояла когда-то деревянная церковка, и лес Куколка подходил к ней углом. Этот лес испоганили давно, еще при царе, его вырубili внутри, оставив только внешний вид. Он примыкал к Ханину лесу, был и такой...

...Я не останавливаю Александра Дмитриевича, хотя ничего в этих тороповских подробностях не понимаю. Поразило меня его признание: "Часто по ночам, — говорит, — не сплю и думаю, где же мой дом? Ведь дом-то мой не тут..." Вон, оказывается, где по-прежнему его дом — в родном Торопове! Там помнит он каждый бочаг, каждого пойманного налима, каждое дерево в лесу и, наверное, каждую половицу в той, родной, усадьбе... Дом его отобрали, а вернуть забыли. Вот "благодарность" Тимротам за верное служение России, за подвиги в двух Отечественных войнах, за устройство школ и больниц, за рaдение русской культуре.

Разговор наш подходит к концу. Расстаемся. Александр Дмитриевич провожает меня по коридору до двери, протягивает на прощанье руку. Я пожимаю ее, задерживая на секунду в своей. Кто это сказал, что время истории измеряется не годами, не веками — рукопожатиями. Как точно! Каково расстояние от Торопова до Ясной Поляны? Каково расстояние от нас до Льва Толстого? Да вот они — рядом, через два рукопожатия. Тимрот несколько лет шел рука об руку с Софьей Толстой, а маленькую Соню брал за ручку, брал на руки ее великий дед.

Надо запомнить этот день и час, когда я с помощью чeты Тимротов поздоровался за руку со Львом Толстым. Расскажу об этом при случае тороповским школьникам.

Руслан АРМЕЕВ.

В статье использованы фотографии из архива А. Д. Тимрота.

Софья Толстая-Есенина-Тимрот

*Неизвестные прежде подробности
из жизни «советской графини»*

Руслан Армеев¹

На декабрьской книжной выставке, которая проходила в столичном Доме художника, я не мог не обратить внимание на только что вышедшую книгу в 500 страниц: "Софья Толстая-Есенина. Семья. Окружение. Судьба". Ее написала многолетняя сотрудница Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве Л. Ф. Подсвинова, а выпустил в свет издательский дом "Ясная Поляна". Более чем скромный тираж книги автоматически заносит ее в ряд "редких", и вряд ли увидят это издание в Данилове.

А между прочим, главная героиня – Софья Андреевна Толстая (1900-1957), одна из выдающихся женщин XX века, знаменитая внучка писателя Льва Николаевича Толстого, "советская графиня" и жена, во втором браке, поэта Сергея Есенина, а в третьем – литературоведа Александра Тимрота, в начале 50-х годов приезжала вместе с мужем в Данилов, на родину Тимрота – в село Торопово.

Напомню, что Тимроты – обрусевшие немцы, отличившиеся и на военной службе в русской армии, и на поприще светском, особенно – в земском движении Ярославской губернии. МД не раз писала об этой славной семье и о том, как бережно хранит село их память в наши дни. Александр Дмитриевич Тимрот (1915-2005) – младший сын последнего владельца усадьбы Торопово Дмитрия Егоровича. Он учился в даниловской школе им. Песталоцци (теперь № 1), окончил ярославский пединститут, прошел всю войну, а после волею судеб стал сотрудником музея в Ясной Поляне... В предлагаемом отрывке из новой книги рассказывается о том, как складывались его взаимоотношения с Софьей Андреевной Толстой-Есениной, в то время директором объединенного (в Москве и Ясной Поляне) толстовского музея.

¹ «Мой Данилов» 26.01.2011. Публикация подготовлена по книге Любови Федоровны Подсвиновой, члена Союза писателей России: «Софья Толстая-Есенина. Семья. Окружение. Судьба». Тула: Издат. Дом «Ясная Поляна», 2010. – 513 с.

В 1946 году вышел том стихотворений Есенина — Толстая была его составителем... Сборник издали небольшим тиражом, но все-таки послевоенное поколение молодых людей узнало о великом русском поэте. Для Софьи Андреевны это было дороже всех наград.

Именно этот томик стихов однажды привел в Хамовники молодого сотрудника музея, фронтовика Александра Дмитриевича Тимрота. Худощавый, в гимнастерке и шинели, он был переполнен эмоциями и пришел поблагодарить Толстую за изданные стихи Есенина. В его манере непринужденно держаться и по-рыцарски вести себя с женщиной она сразу угадала человека своего круга. Проговорили до утра. Тимрот уехал к своей невесте, ждавшей его в Ясной Поляне, а Толстая с грустью записала на листке бумаги строки романса Марии Пуаре:

Я грущу, если можешь понять
Мою душу доверчиво-нежную.
Приходи ты со мной попенять
На судьбу мою странно-мятежную.

Как-то странно и дико мне жить без тебя,
Сердце лаской любви не согрето.
Видно, правду сказали, что будто моя
Лебединая песня пропета.

Чем-то этот гость был неумолимо похож на Есенина... То же встряхивание волнистых волос, резкое откидывание головы при чтении стихов. Своей искренней жизнерадостностью, открытостью напомнил он Сергея. Над строгим директорским столом почудился ей плеск лебединых крыльев... Она гнала от себя греховные мысли. Это абсурд, это невозможно, это наваждение!..

Несколько недель в декабре 1947 года Софья Андреевна провела в Ясной. Тимрот был назначен заведующим музеем-усадьбой "Ясная Поляна". Кандидатура достойная: литературовед, член партии, фронтовик. Благодушному Александру Дмитриевичу не очень-то хотелось взваливать на себя непомерную ответственность, но Толстая убедила его, что на данном этапе это необходимо для дела, то есть для музея. Чтобы на первых порах

поддержать нового заведующего, она и приехала в усадьбу. В ее маленькой уютной "квартире-резиденции" собирались по вечерам научные сотрудники. Пили чай, обсуждали текущие дела.

Зима в тот год выдалась морозной, снежной и солнечной. Ранним утром, обув валенки и одевшись в шубу, Софья Андреевна отправлялась на прогулку в парк. Давно не радовалась она так природе и шалому морозцу. Сопровождал ее в этих прогулках Александр Дмитриевич. Чем ближе она узнавала этого человека, тем больше тревожилась за него: очень уж открытый, эмоциональный, порой бескомпромиссный. Трудно ему будет на новом посту. Он работал над кандидатской диссертацией, писал короткие рассказы, на более пространные сочинения у него не хватало терпения.

Софье Андреевне пришлось срочно возвратиться в Москву — пришла телеграмма о смерти Сергея Львовича (старший сын Л. Н. Толстого — Ред.). Через некоторое время со служебной почтой она получила личное письмо. Романтичный Александр Дмитриевич признавался: "Вы увезли с собой тот мир, что мы вместе сотворили для себя..., а без этого мира я не живу, а брожу как тень..."

В дни его недолгих наездов в Москву они старались посещать музеи, спектакли МХАТа, концерты в консерватории и литературные вечера в ЦДЛ. В залах Музея изобразительных искусств им. Пушкина увидели "Сикстинскую мадонну" — она экспонировалась как спасенный шедевр Дрезденской галереи. Наедине говорили об искусстве, и особенно откровенно — о литературе, в связи с последними постановлениями ЦК о журналах "Звезда" и "Ленинград", музыке В. Мурадели и Д. Шостаковича, вызвавшими смятение в кругах интеллигенции. В письмах Софья Андреевна, намеренно избегая политических тем, вставляя между строк намеки-предупреждения, продолжает не оконченный в Москве лирический разговор: "Где Вы? Какой Вы? Не спросить, не услышать, — печалится она. — Дни забиваю делами, делами, бумагами, телеграммами. Хожу в музей. Прочла стенограмму Вашу, но в ней нет ничего плохого, и много хорошего, и правильно идеологически. Это совсем не должно Вас тревожить. Никакие проверщики (в случае) ничего не могут найти..."

Толстая уводит Александра Дмитриевича от всего запретного и увлекается интимной темой: "Мы идем за Синей птицей... Сегодня шла по улице и думала, как через сколько-то лет Вы с женой и детьми, как сотни других, будете сидеть на "Синей птице", как взглянете на левую ложу и вспомните январское утро, полумрак ложи, завораживающее чудесное явление и грустно-тревожную женщину рядом с собой".

Когда она писала эти строки, то еще не знала, что Тимрот расстался со своей невестой. Мир, который они "сотворили" с Софьей Андреевной, властно захватил его, увел за собой — и Александр Дмитриевич опасался его потерять. Разница в возрасте (он был на пятнадцать лет моложе) его нисколько не смущала. Быть рядом с загадочной женщиной, женщиной-легендой стало для него ежедневной потребностью, смыслом жизни. Какое-то наваждение...

Толстая воспринимала их отношения несколько трезвее. Но ей было светло от того, что после долгих лет ее одиночества этот молодой мужчина разбудил ее душу, понимал и любил ее. Юный рыцарь, помощник, последняя надежда... Читая ему стихи Есенина или рассказывая о своей семье, о друзьях-писателях, своих встречах и потерях, она ловит восхищенные взгляды поклонника и сама испытывает волнение. Ее манера говорить, двигаться, смеяться, эти тонкие чувствительные пальцы с кольцами и чуть тронутые серебром виски приводили в восторг Тимрота. Он видел перед собой "женщину Серебряного века", каким-то чудом пришедшую из прошлого. Она впервые за долгие годы выступила из полумрака Толстовского музея и слегка приоткрылась ему.

Софья Андреевна знала: Тимрот постоянно ждал ободряющих писем, и мысль об этом необыкновенно волновала ее: "Вошла в нижнюю комнату. С грустной нежностью смотрела даже на холодную кухню и стеклянную банку с водой. Спущены занавески, все уютно и тихо, какой Вы любили эту комнату, стол, лавка у печки. Всё дышит, всё полно Вами... Вы знаете, я тоже очень, очень люблю читать письма. И очень, очень люблю разговаривать по телефону. Тревожусь обо всем деловом и личном, большом и малом Вашем".

Сентиментальная переписка на близком и далеком расстоянии звучит диссонансом с довольно суровым временем, когда никто не уверен в завтрашнем и даже нынешнем дне. "Внеслужебные" отношения недолго оставались незамеченными. По музею распространились самые невероятные слухи. Кривые улыбочки, двусмысленные шуточки выводят из равновесия Александра Дмитриевича. Он яростно отстаивает право на дружбу с женщиной, готов растерзать циников и совершает непростительные ошибки. Софья Андреевна успокаивает его: "Мой волчонок, как это ужасно, что не могу защитить Вас от ничтожества, злобы, зависти, мути. А еще хуже, что Вы волнуетесь. Вы им поддаетесь. Но как защитить Вашу гордую лебединую душу! Всё это накипь, а не сущность жизни. Всё понимаю разумом и даже чувством. Не выдерживаю, когда касается Вас, ищу каких-то слов, а хочется прижать к себе Вашу дивную голову и закрыть от всех... Всё равно с капитанского мостика открывается звездное небо, а из канавы его не видно".

Она старается как можно

чаще бывать в Ясной Поляне и помогать Тимроту. Это начинает возмущать Чеботаревскую (подругу Толстой и ее заместителя по музею — Ред.). Возвращаясь в Москву, Софья Андреевна обвиняет подругу в "узурпации власти". Многие распоряжения заместителя директора подрывают авторитет директора и вредят делу. "Я услышала глупые слова, — гневно оправдывается Чеботаревская, — что я подменяю директора. А не ты ли сама писала мне доверенность на замену тебя и полное хозяйствование. А теперь я узурпировала власть. Ну и узурпировала, но на пользу дела... У тебя есть человек, который занял тебя всю, а остальные тебе не нужны, скучны, ну просто не нужны, как и вся Москва и московская работа; а все, что касается Я. П., освещено пребыванием Тимрота и работой для него, тебе близкого и дорогого. Я все хорошо понимаю".

Подруга напомнила ей о своих заслугах: она отдала Толстой и музею всю свою жизнь. Вместе они прожили "20 страшных лет". И сейчас Софья Андреевна ради "легкомысленного человека" предает их дружбу. Тем не менее Толстая выказала твердость и отстранила Рипочку (Чеботаревскую — Ред.) от частых посещений Ясной Поляны. "Третий день выдерживаю ужасные сцены с

Евг. Ник. (Чеботаревской — Ред.) из-за того, что не пустила ее в Я. П. (Ясную Поляну — Ред.), — жаловалась она Тимроту — Я ранила бесконечно преданного, очень больного, старого, измученного человека, который сделал для Я. П., для меня, для музея так много хорошего и так мало плохого..."

Но Чеботаревскую волнует не только охлаждение в личных отношениях с Толстой, она предостерегает подругу, что ее дружба с Тимротом — козырная карта противников в борьбе с нею и это может ей дорого обойтись. Она буквально закликает Софью Андреевну отрезвиться, одуматься. "Если тебя уволят, я упаду и умру", — взывает она к разуму подруги. Хотя Евгении Николаевне, проницательной и дальновидной, давно известно: когда у Сони говорит сердце, разум замирает.

Однако Софья Андреевна не была бы Толстой, если бы спасовала и отказалась от последних мгновений счастья в угоду сплетникам и завистникам. Она действительно счастлива, что рядом с нею человек, которому она может помочь "стать на крыло", а возможно, со временем передать бразды правления музеем. Толстая умиляется Тимротом: "Один толстовский мальчик написал: "Хочу быть добрум". Три дня ни на кого не сержусь и со всеми приветлива. Это в Вашу память. Вот героизм. А ведь так трудно и противно. И многое — в Вашу память: яснополянские дела, Ваш костюм, Ваши часы (часовщик сказал, что они очень хороши, но их надо разобрать, скоро будут готовы). А что Вы сделали в мою память? А главное Вы знаете — не бросайте работать с 9 до 12. Вот сколько просьб в мою память. Милый мой лебедь, не поднимайте свою гордую голову и не шипите громко и неприятно, когда найдете в чемодане всякие мелочи для лебединого стола. Мне было совершенно необходимо собирать их в тот одинокий мой вечер накануне Вашего отъезда... Вы чудный человек, страшно умный, и я никого лучше не знаю".

Уединившись в башне из слоновой кости, пытаюсь загордиться от внешнего мира, оба словно не замечают продолжающихся атак на музей. Но Софья Андреевна все-таки не упускала из поля зрения козней недоброжелателей. В ИМЛИ (Институт мировой литературы, в чье ведение входил Толстовский музей — Ред.) только и занимались тем, что искали на нее компромат, регулярно, с 1947-го по 1949 год проводя многочисленные

проверки идейной "чистоты" в пропаганде и "кристальной честности", в административно-хозяйственной работе музея. "Предосудительные отношения" директора и подчиненного выдвигаются на первый план. Бдительная Чеботаревская тотчас уведомляет Толстую о решении партийного собрания:

1) Тебя — снять; 2) Тимрота из партии вон! Но твоя должность, оказывается, зависит от ЦК... Советую тебе обратиться к Суслову.

Атмосфера, напитанная сплетнями и доносами, накалялась. В сложившейся обстановке Тимроту грозило исключение из партии и увольнение с работы. Упреждая удар, они принимают решение быстро, втайне от посторонних зарегистрировать брак. Вот так неожиданно-негаданно внучка Л.Н. Толстого в 48 лет официально стала замужней дамой. Брак этот до сих пор вызывает много разноречивых толков. Нужно ли было вдове Есенина выходить замуж? И насколько искренен был Тимрот? Непосредственные свидетели этих событий через много лет говорили, что брак совершился по взаимному влечению и, если бы не тяжелая болезнь Софьи Андреевны, мог бы быть счастливым и долгим.

Молодого мужа Софья Андреевна вводит в писательские круги. Его рассказы, статьи и рецензии печатаются в солидных московских журналах. Все, кто видел их в ту пору, отмечали, что это была красивая пара: элегантная дама в модной шляпке-таблетке с прозрачной вуалью, в строгом сером платье, с несколькими рядами жемчуга на шее и высокий, красивый мужчина в превосходно сшитом костюме и мягкой шляпе. Оба производили впечатление счастливых людей.

Вновь, как до войны, на огонек к Толстой стали захаживать ее друзья-писатели. Ряды их поредели, война и безжалостное время выкосили многих. Но зачем думать о грустном? Остроумный, тактичный муж хозяйки всегда старался внести в дружеское чаепитие веселые нотки непринужденности... Муж заботливо ухаживал за Софьей Андреевной, и болезнь постепенно, казалось окончательно, отступила. Внимательный Тимрот постоянно держит жену в курсе своих малейших дел: "Дорогая моя, я очень занят и вынужден задержаться, но... рвусь к тебе, только к тебе. Вы у меня спасительница и маяк в этом мире. Пусто и одиноко без Вас", — пишет он ей в Болшево, в санаторий "Сосновый

бор", где она после больницы находится на реабилитации. Вниманию близкого человека помогла Софье Андреевне перенести все горькое, что случилось за эти несколько лет: отсоединение Ясной (единый Толстовский музей был разделен — Ред.), смерть родных — матери, Сергея Львовича и двоюродной сестры Анны, непонимание и отчуждение племянников Саши и Сони. Они осуждали тетку Толстую за ее поспешный и странный брак с Тимротом. Верная Рипочка внешне смирилась, но все равно при каждом удобном случае напоминала, что преданнее, чем она, друга у нее не будет.

Толстая много работает, только вот все труднее и труднее стало подниматься ей по лестнице, ведущей на антресоли в директорский кабинет. Но и тут она находит выход. Под предлогом неотложных дел часто остается работать дома, а все проблемы, связанные с музеем, решает прямо на квартире в Померанцевом переулке. Доверенные сотрудники приносят документы, здесь она диктует свои приказы и распоряжения. .. К себе в музей она приходит в присутственные дни.

И вдруг снова несчастье: в середине 50-х годов болезнь, от стрессов и переутомления напомнила о себе. Софья Андреевна попадает в клинику в тяжелом состоянии. Диагноз звучит как приговор: ишемическая болезнь сердца, поражение вестибулярного аппарата. Толстая практически ослепла, плохо владеет правой рукой, у нее почти отказали ноги. Но она не сдается: еще много планов, и надо до конца оставаться на главном посту, чтобы осуществить задуманное. Встает еще одна проблема, которую она разрешает с великой душевной болью, но твердо, как и подобает Толстой. Чувствуя, что с каждым днем тают силы и болезнь начинает свою окончательную работу, она решает расстаться с мужем.

Некоторые сотрудники музея после говорили, что молодой Тимрот позорно покинул больную жену. Тягостных испытаний, заметил потом Опульский (один из сотрудников — Ред.), рыцарство его выдержать не смогло — для Александра Дмитриевича оказалась непосильной "роль сиделки" возле приговоренной "к медленному физическому и психическому угасанию" Толстой.

Но, зная характер и поступки Софьи Андреевны, можно выдвинуть другую, более близкую к истине версию. Однажды

Чеботаревская сообщила Софье Андреевне, что появилась молодая симпатичная женщина, полюбившая Александра Дмитриевича. Однако моральный долг перед больной женой не дает ему права ответить на сердечное чувство. "Но это ненадолго. Ты знаешь, зов молодости, жажда отцовства возьмут свое", — убежденно внушала Толстой подруга.

После таких разговоров Софья Андреевна умолкала и, оставаясь одна, подходила к зеркалу, Оттуда на нее смотрела похудевшая женщина, с короткими седыми волосами, в толстых очках... Нет, не эту женщину когда-то полюбил Александр Дмитриевич, А ведь прошло всего несколько лет. Что делает с нею болезнь!..

Быть может, Толстая собралась с духом и, поскольку всегда в отношениях с мужчинами была честна и бескомпромиссна, нашла в себе силы спокойно и отрешенно сказать Тимроту примерно следующее: "Когда-то Сергей Александрович Есенин при первой нашей встрече сказал, что из жалости нельзя любить женщину. Я не хочу, чтобы вы, Александр, жили со мной из жалости. Вы должны, вы обязаны уйти из моей жизни. Я не хочу, чтобы вы в жертву мне принесли свою жизнь. У меня есть музей — и этого достаточно. Помните, как мы пошли за "Синей птицей"? Настала пора идти вам за нею с другой. Наша улетела и не вернется. Да и зачем вам "луна, если у Вас звездное небо"? Благодарю вас за все, и помните мои уроки. Когда мы встретились, вы были неокрепшим лебедёнком, теперь вы лебедь с сильными крыльями. Я отпускаю вас в полет, в ваше будущее, но там нет места для меня. Я спела свою последнюю песню. Иногда вспоминайте меня, мне будет приятно. Но больше никогда не ищите со мною встреч. Сегодня я для вас исчезла навсегда".

Что мог бы сказать ей в ответ Александр Дмитриевич, предположить трудно. И вообще, вся эта история — сокрытая тайна, в которую были посвящены трое: Толстая, Тимрот и Чеботаревская. Есть тайны, которые уже не разгадает никто и никогда, — одну из них унесли с собой и наши герои.

Тимрота обвиняли (и обвиняют до сих пор) в безжалостном отношении к Толстой. Он не оправдывался и ни единым словом никому не обмолвился о последнем разговоре с Софьей Андреевной. Их отношения были слишком тонки и благородны для обывательских умов.

Фотография из книги:

*Александр Тимрот с женой
Софьей Толстой на веранде
толстовского музея-усадьбы в
Ясной Поляне.*

Е. Д. Михайлова

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ ТИМРОТ

Директор Государственного Литературного музея
с 1966 по 1972. Перешёл на работу в Институт
Музееведения МК РСФСР.

Моя первая встреча с Александром Дмитриевичем Тимротом была мимолётной и при грустных обстоятельствах. Умерла Ольга Константиновна Толстая, которая очень дружна была с моей бабушкой — Еленой Евгеньевной Горбуновой-Посадовой. Близка настолько, что иногда даже оставалась у неё на день-два пожить. Естественно, что и мы, внуки Е.Е., были привязаны к О.К. с детства. Старшая из нас, Наташа, была с ней просто дружна, мы же, младшие, особенно много бывали у О.К., в военные и первые послевоенные годы, когда О.К. вместе с дочерью, Софьей Андреевной Толстой — внучкой, директором толстовских музеев, жила во флигеле Хамовнического дома, давно уже ставшего музеем. На усадьбе музея в те годы был огород, где грядки выделялись сотрудникам музея и людям, близким к Толстому. Был выделен участок и моей бабушке. Приходя пропалывать и поливать грядки, мы частенько забегали к О.К., а впоследствии я бывала у неё и в Померанцевом переулке, где она жила с дочерью и внуком Сашей (Александром Ильичём Толстым), нередко бывавшем и в нашем, бабушкином, доме в Трубецком переулке.

В горький день, когда мы пришли на квартиру Толстых на прощанье с Ольгой Константиновной, в передней я увидела сидящего в углу незнакомого мне человека с неординарным лицом, очень бледного, в чёрной толстовке, произведшего на меня впечатление какой-то внутренней загнотости. На мой вопрос о нём, Саша сказал: «Это последний муж тёти Сони, сотрудник в Ясной Поляне. Он на днях вернулся из больницы». Это был Александр Дмитриевич Тимрот. Сама Софья Андреевна ходила по квартире и громко, нервно распоряжалась.

Хоронить уезжали в Ясную Поляну, вернее в Кречеты, на семейное кладбище Толстых. Чувство тяжести, потери усугубилось тем, что ещё не снесли гроб с пятого этажа, а двери,

по распоряжению Софьи Андреевны, крест накрест забили досками (от жуликов). Ощущение, что не в двери вбивают гвозди, а в пласт жизни, навеки ушедшей. В глазах стояло лицо Ольги Константиновны — очень красивое, до самой старости.

Следующая встреча с Тимротом произошла уже в 1965, когда он пришёл в составе комиссии, работавшей в музее после вечера Евтушенко. Кажется, тогда он был уже заместителем директора в Ясной. Вскоре после окончания работы комиссии он был назначен заместителем директора нашего музея по научной работе, а в 1966 Тимрот становится директором музея.

Тимрот производил впечатление человека умного, с довольно часто меняющимся настроением, но доброжелательного, быстро схватывающего идеи сотрудников, любящего хорошую шутку, но не терпящего пошлости. Если он не мог сразу решить какие-то вопросы, он просто убегал под любым предлогом, оставляя иногда коллег в полном недоумении.

К этому времени у А.Д. была уже крепкая семья, двое маленьких сыновей и очень тихая, худенькая, болезненная жена, вызывавшая ассоциацию с Княжной Марьей из «Войны и мира».

О своей жизни с Софьей Андреевной А.Д. никогда не говорил. Кажется, они расстались ещё до её ухода из жизни (1957). Но, когда однажды, в минуту какой-то откровенной беседы, его спросили, как мог состояться этот брак при такой разнице в возрасте и сложнейшем характере Софьи Андреевны, Тимрот ответил: «Это был необыкновенный человек. И необыкновенный случай в моей жизни. И я никогда ни о чём не жалею». Ответ этот врезался мне в память.

Главным в музее в период работы А.Д. Тимрота было создание экспозиции «Русская литература XX века». И его роль в её осуществлении была очень велика. Научная подготовка экспозиции началась ещё при Пияшеве. Ещё тогда, когда было задумано, развернуть полномасштабную экспозицию по истории русской литературы, отдел Советской литературы начал разрабатывать структуру залов литературы XX века в рамках отведённой для него площади. При этом экспозиция явно не могла уместиться в залах первого этажа, и раздел литературы XX века должен был вытеснить научные отделы из их

рабочих комнат. Убедившись в невозможности реализации этой идеи, решили ограничить тему экспозиции XX веком, что давало возможность хотя бы этот раздел истории литературы раскрыть шире и интереснее. Подтолкнуло к этому решению и приближающаяся дата 50-летия Советской власти. Однако, начать экспозицию решили с предшествующих переломных в истории литературы лет.

Надо сказать, что А.Д., сначала в должности научного руководителя музея, а затем и директора, вникал в суть этой работы на всех её этапах. Особенно это ощущалось в период раскладок и монтажа. С каждым автором А.Д. работал непосредственно, добиваясь чёткого, «читаемого» выражения каждой темы экспозиции. Для меня работа с ним явилась жёсткой, но очень хорошей школой («моими» были темы — «Маяковский» и «Литература периода Великой отечественной войны»).

«Маяковский» располагался в трёх залах — начала века, первых лет революции и зале 1920-х годов. И, если с первыми двумя разделами я, помнится, справилась без особых трудностей, то в зале 1920-х годов я «заплыла». Представьте, в моём распоряжении одна витрина и две «вертушки» (перекидные альбомы из оргстекла), а тема — Маяковский во всём многообразии его творчества 20-х годов, включая поэмы «Про это», «Ленин», «Хорошо». И огромное количество книг, каждая из которых достойна экспонирования — одни по значительности темы и поэтике, у других — обложка работы самого поэта, у третьих — иллюстрации его сотоварищей по работе в РОСТА и т.д. Ни от чего невозможно отказаться — всё интересно самой и, кажется, что будет понятно людям, с какой целью экспонирована каждая. Раскладываю витрину, стараясь сблизить материал по смыслу. Приходит А.Д.. Долго смотрит и вдруг вопрос: «Ничего не понимаю, что Вы этим хотели сказать?» Я с жаром начинаю объяснять суть каждого экспоната. Тимрот: «Ну, и кто кроме Вас это поймёт? Не годится. Думайте». Мучаясь, убираю половину книг. На следующий день — примерно тот же разговор. И так до тех пор, пока в витрине не остаются издания поэм «Ленин», «Хорошо» и «Летающий пролетарий», два листка из записных книжек поэта с ключевыми моментами поэм (муляжи), гравюра В. Фаворского «Октябрь

1917», сделанная в 1928, фотопортрет Маяковского работы А. Родченко. Витрина — в контексте настенных материалов (афиши, плакаты, «Окна Главполитпросвета» работы Маяковского, Черемныха). В альбомах-вертушках — две темы: в одной — иллюстрации Д. Моора к поэме «Хорошо», в другой — материалы к поэме «Про это». Показываю А.Д.: «Ну, теперь всё понятно!». Собственные слёзы на промежуточном этапе, оставляю за скобками.

Однажды, сочтя несправедливыми требования А.Д., плакала даже Наталия Владимировна Шахалова, которая к этому времени уже была его заместителем по научной работе, но свою тему — «А. Н. Толстой» — «доводила». Надо отдать должное А.Д., что, корректируя нашу работу, он свои требования аргументировал. А в тех случаях, когда ему не хватало

Посещение Государственного Литературного музея А. Т. Твардовским. Середина 1970-х. Из архива А. Д. Тимрота.

знания предмета, убежал, оставляя разговор «на завтра». На следующий день приходил, явно подчитав по нужной теме и, соответственно, имея строгое обоснование своей позиции.

В 1970, в год 100-летия В.И. Ленина, необходимо было усилить ленинскую тему в экспозиции. Появилась идея просить Союз художников СССР передать для нашей экспозиции работу украинского художника А. Н. Захарчука «В. И. Ленин выступает перед красноармейцами». Художника мы знали по настенной росписи в Библиотеке-музее А. П. Гайдара в Каневе, где участвовали в создании экспозиции, по пейзажам, которые видели в его мастерской и в Музее украинского искусства в Киеве. Полотно это создавалось как договорная работа с Союзом художников, но первый вариант её вызвал у Художественного совета ряд чисто профессиональных замечаний и художник работал над новым воплощением. Захарчук увеличил размер холста, значительно изменил цветовую гамму и придал в целом полотну более обобщённый характер, что давало возможность ощутить абсолютное единство красноармейцев, вдохновлённых речью Ленина.

Работа была привезена в музей, где решено было провести новый Художественный совет. До него вокруг работы начались яростные дискуссии сотрудников. Одних оскорбило, что красноармейцы не индивидуализированы («Какие-то хунвейбины!» — сказала В. В. Акопджанова), кому-то показалась слишком «гладкой» живопись («Даже непонятно, что это сделано маслом» — В. С. Попов). Н. В. Шахалова сохраняла нейтралитет. Искренне защищали работу А. А. Ширяева и мы с Н. С. Мастаковым, по инициативе которых и предложено было включение её в экспозицию. Александру Дмитриевичу работа нравилась со всех точек зрения — художественной, смысловой и экспозиционной. Окончательную точку в спорах поставила Е. А. Белашова, тогда возглавлявшая Союз художников СССР, завершив заседание Художественного словами: «Вот теперь, работа состоялась!» И поздравила художника и музей, которому работа была передана в дар.

Размещённая в зале поэзии 1920-х годов, напротив ОКОН РОСТА и Главполитпросвета, она прекрасно проработала до конца существования музея в доме на Якиманке, отнюдь не

Открытие выставки Ф. М. Достоевского в Венгрии. Середина 1970-х. Из архива А. Д. Тимрота.

нарушив эстетику зала в целом, а лишь усилив ленинскую тему поэзии тех лет.

Значительна была роль А.Д. и в подготовке экспозиции «Мемориального кабинета А. В. Луначарского», однако, непосредственно в этой работе я не участвовала и помню только обсуждения, посвящённые не только экспозиции кабинета, где точно восстанавливался интерьер, но и интерьера гостиной, где бывали многие писатели и поэты. Тогда же решался вопрос о художественном оформлении бывшей столовой, которая одновременно должна была стать рабочей комнатой для приёма посетителей рукописного отдела, переехавшего в часть помещений этой квартиры. Именно для её интерьера были заказаны (или просто куплены?) копии тарелок с агитационными рисунками, выпущенных в 20-е годы Ломоносовским фарфоровым заводом (ЛФЗ).

Экспозиционерами были Ксения Сергеевна Павлова и Елена Николаевна Дунаева. Художником — Елена Николаевна Лаврова. Конечно, они могли бы значительно расширить и скорректировать мои воспоминания. К сожалению, всех троих уже давно нет с нами.

В 1972 году, вскоре после того, как было снесено здание на Якиманке и музей вынужден был переехать в помещение детского сада, расположенного в двух крыльях жилого дома по Ленинскому проспекту-64, А. Д. Тимрот перешёл на работу в Институт музееведения Министерства культуры РСФСР, где и проработал все последующие годы. Как выяснилось позднее, А.Д. параллельно занимался и художественной прозой. Его повести были опубликованы, кажется, уже в постсоветские годы, усилиями его коллег по институту (ныне — НИИ Культуры МК РФ).

Об авторе:

Елена Дмитриевна Михайлова, заместитель директора Государственного литературного музея по науке. Представленные здесь воспоминания — часть большой публикации о руководителях литературного музея: «Звено». Вестник музейной жизни Государственного Литературного музея. М., 2010.

Валерий Ясов (Бальцев), Марина Озерова.

НАШИ ВСТРЕЧИ С А. Д. ТИМРОТОМ

Когда начинал эти заметки, невольно вспомнил один из разговоров с Александром Дмитриевичем.

— Валера, представляешь, все думают, что писать прозу очень просто. Встречаются двое и один другого спрашивает: «Ты ещё ничего не писал?»

А другой в ответ, словно извиняясь: «Нет, времени не хватает».

Получается, сел за стол и... Только вот вместо интереснейших воспоминаний про бабушку и дедушку получается какая-то ерунда. Может автор и пытался что-то представить, только мы этого не увидели».

Мне хотелось по возможности этого избежать, не превращая повествование ни в филологические изыскания, ни в свои собственные домыслы, а постараться донести живые интонации А. Д. Что получилось — судить читателю.

С Александром Дмитриевичем я познакомился через его сына Владимира, с которым вместе служил в музее-квартире Ф. М. Достоевского (ул. Достоевского-2, флигель Мариинской больницы).

В начале мои встречи с А. Д. носили случайный характер. Мне понравились его эмоциональные замечания об А. Н. Вертинском, на концертах которого он неоднократно бывал. Я тогда очень увлекался Вертинским и по просьбе А. Д. исполнил «Над розовым морем», «Чужие города», «Ваши пальцы пахнут ладаном» и другие из бесконечного репертуара Вертинского.

«Скрытый тенор», в отличие от «трагического тенора эпохи» Блока, — могу с уверенностью сказать про А. Д., как человек поющий. Нам сейчас сложно представить, но А. Д. — современник Виноградова, Вертинского. Встречался с Ахматовой. В те времена по-другому говорили, по-другому чувствовали, более глубоко.

Когда он рассказывал о Блоке настолько красочно и ярко — верилось, что он встречался и с ним, хотя по времени уже никак не мог. А. Д. олицетворял для нас навсегда утраченную эпоху

Серебряного века. Хотя сам А. Д. любил и приветствовал Золотой век поэзии с его кипучей энергией и жизнелюбием.

Но наше серьёзное общение состоялось позже, когда Владимир уехал за границу. Инициатором его стала моя жена Озеова Марина.

Она собиралась вступать в Союз писателей и ей хотелось показать стихи человеку, мнение которого и литературный опыт были неоспоримы.

Надо сказать, что в Союз она вступила именно с этой книгой, составленной А. Д. Но со странными исправлениями и ошибками, которые пусть останутся на совести деятелей литературы её издавших.

Но вернёмся к началу. Составив подборку стихов, озаглавив её «Голос тишины», связались с А. Д. У меня возникли, правда, сомнения по поводу такого декадентского названия, но это уже по пути на Кутузовский проспект. К стихам супруги прибавил свои поэтические опусы.

Посещая литературные семинары В. Микушевича и общаясь с различными поэтами, я только начинал нащупывать дорогу и пробовать сочинять. И я не ошибся! Мнение А. Д. для меня и его внимание явилось импульсом для всего моего дальнейшего творчества как литературного, так и изобразительного.

Самое главное, он придал уверенность нашим силам, сказав:

«Вы стоите на верном пути, чувствуете творческую стихию! В себя надо верить жёстко!».

Но это я уже забегаю вперёд. Просто в наше время, когда никому ни до кого нет дела и вообще как-то не до творчества, человек способный выслушать, внимательно прочитать и разобрать твои листочки со словами, — ценится очень высоко. А. Д. не просто уделил нам время. Он проводил с нами литературные занятия. И всеми своими успехами и достижениями мы обязаны ему. Поэтому думаю, что будет интересно поговорить именно о нашей литературной учёбе под его руководством.

В процессе постоянного общения (а встречались мы по воскресениям) мы оценили его по достоинству, запомнили навсегда его удивительное терпение и бесконечную доброжелательность.

Наше общение начиналось с того, что он разбирал принесённые в предыдущий раз стихи. Какой радостью наполнялось

сердце, если строчки отмечались подчёркиванием, не говоря уж о поставленной пятёрке.

В начале мы конспектировали его советы, потом стали записывать на магнитофон полуторачасовые беседы. Перед тем как писать воспоминания, внимательно прослушали их и кое-что выписали, чтобы на досуге продумать снова его живые, острые замечания. Хочу поделиться его наиболее запомнившимися высказываниями.

Будучи по характеру сильным, цельным человеком, он переносил своё стоическое мироощущение на искусство: «Какая бы жизнь ни была: серая, скучная, всё надо переложить в стихи. Посмотреть на всё не как зритель, не как слушатель, а как судья. Никогда не останавливаться на том, что достиг. Поэзия должна быть мощной, сильной. Надо искать слова! Они не лежат на улице! Бывает, переставишь слово, и оно становится живым!»

Сам он до конца своих дней придерживался жёсткой дисциплины. Ранний подъём, прогулка, работа над рукописью.

Иногда он читал нам свою прозу, и мы убеждались в том, что он проводит ювелирную работу, оттачивая каждый свой рассказ.

Прекрасно разбираясь в литературе, он мог приводить самые неожиданные примеры из Маяковского, Есенина, Тютчева, Блока, предлагая по иному почувствовать знакомые строчки.

Один композитор в разговоре с А. Д. как-то обмолвился, что с большим трудом сочиняет музыку на стихи Есенина. При кажущейся лёгкости и певучести мелодии получаются банальными. А. Д. предостерегал нас от невольного подражания Есенину. Избегать его интонаций и образов. Но тут же печально добавлял: «На Есенине кончилась индивидуальность. Без отдельной личности нет лирики!»

«Побеждать чужое влияние и продолжать русскую традицию.

Стихи нельзя делать так три-та, три-та, вышла кошка за кота. Форма приходит раньше содержания. Сильное содержание должно быть реализовано в форме. Практикуйтесь! Опасно, когда одна и та же форма. Надо брать различные полюса, работать в различной ритмике!»

Нам порой хотелось блеснуть чем-то необычным, придумать какое-то дерзкое сравнения. «Если Вы видите много сравнений,

оставьте только одно, — звучал спокойный голос. — Величие только в строгости слов, а не в пафосе! Учитесь удалять лишнее».

Любимая шутка А. Д.: «Увидел. Пришёл. Ушёл. Как жаль, что так нельзя писать стихи! Как японцы, мы писать не сможем, там другое ощущение мира».

Он требовательно относился к каждому стихотворению. Читал долго, с остановками, возвращался к первому четверостишию и медленно повторял что-то вызвавшее его сомнение и неудовольствие.

«Полюбил я этот край неотзывчивый», — медленно, словно через силу читал он одно из моих стихотворений и опять возвращался к прочитанному. Дальше через паузу: «зеленеющий зенит, речка-странница прячет ближе к берегам».

Что-то его насторожило, и он снова замолчал. Мне тогда казалось это непонятным, но теперь... И после неоднократных повторов, смутивших его строк: «Очень будет хорошо после чистки. В маленьком стихе несуразность убивает центр произведения, опирайся на внутреннее чувство. Если вызывает сомнение — выброси!»

Стихотворение «Полюбил я этот край неотзывчивый» — классический пример разбора поэтической фантазии. Под косу сразу попало слово «этот», но затем получили похвалу: «неулыбчивый май и речка-странница». После удаления лишнего открылся полдень с потаёнными родниками и «убитой Русью». А. Д. любил природу, чувствовал её. Могу с уверенностью сказать по его тонким замечаниям, касающимся моих графических работ. «Пришвин в Московском крае» — яркая тому иллюстрация.

Он признавался, деревня для него ближе, понятнее города. Говорил, что общения с простыми людьми для него интереснее, естественнее. Ему не нравились искусственные хитросплетения слов, всегда обращал пристальное внимание на звучание фразы.

«Когда Вы заимствуете что-то из поэтической стихии других поэтов — Гумилёв ли это, Блок, умейте пропустить через себя и, осмыслив, сделать своим».

Удивительно требовательное отношение к слову: «Слово — это яблоко. Оно может быть сладкое, горькое, кислое, даже каменное. Только не деревянное!»

«Мудрость это или нет» — так начиналось стихотворение Марины, вошедшее в сборник «Духовной этнографии сербской литературы» после значительных переделок, так что с 1-ой строки, оно перекочевало на 3-ю. И окончательно четверостишие звучало так:

«Исчезает белый свет,
разъедаемый тоскою.
Мудрость это или нет:
гибнуть вместе со страной?»

«Сперва рассказать, потом раскрыть тайну, а может и не надо её раскрывать!» — произнёс А. Д. после совместного поиска различных вариантов.

Тогда я понял получившееся стихотворение нельзя пересказать. В нём должно присутствовать волшебство. Чудо — иллюзорно! И порой алогичность является ему подспорьем.

«Искусство основано на том, чтобы люди становились ближе друг другу. Оно должно преодолевать расчленение, разобщённость. И тут же привёл неожиданный пример.

«Недавно пошёл получать пенсию, обращаюсь к впереди стоящему гражданину:

— К какому окну Вы стоите?

Он молчит. Потом нехотя: — Не знаю.

Я удивился: — Как не знаете?

— А вы знаете, — повернулся ко мне с раздражением, — так почему Вы думаете, что я должен знать!

Дивный по наблюдательности и искромётному юмору диалог как нельзя лучше характеризует А. Д. Вижу, как светятся его ясные глаза. Я долго искал им определение.

В отличие от окружающего агрессивного, разъедающего мира, жадного до сиюминутной мелкой славы и наживы, у него — тихая обитель чёткой мысли и светлой мечты, последний бастион, где душа всегда находила понимание и успокоение.

Он предостерегал нас от многих опасностей: от увлечения мелочами (мастер детали — порождение соцреализма) и дилетантства.

«Все пытаются писать стихи, человек старается срифмовать. Стихи есть творение каждого грамотного человека. Но вы

должны быть профессионалами. Дилетант никогда ничего хорошего не сделает». Лишнее подтверждение его мысли — сайт СТИХИ.RU. Кого только там нет!

Хотя сама идея создания такого сайта замечательна и очень многим помогает публиковаться, а самое важное — обсуждать написанное.

Но многие не понимают, что поэзия, да и любое искусство — это каждодневный труд. И этим надо заниматься не спуская рукава.

«Преодоление лени — это очень важно! Человек должен работать систематически глубоко и постоянно. Культивировать себя и воспитывать. Обязательно вести тренировочную тетрадь, вычёркивать и снова садиться писать» — золотое правило А. Д., которому он следовал всю свою жизнь.

«Чистоту русского языка надо блюсти. Язык есть суть человека!»

Он щедро делился с нами своим опытом: «Бывает состояние опустошённости сосуда. Вы уже выразили и написали, что хотели. Наступает кризис. Здесь надо искать не в забвении, а наоборот, надо очень активно жить: начитывать художественные вещи, исторические и что покажется интересным. Постепенно Вы наполняетесь чужим. Представьте себе котёл, стоящий на огне, в который постоянно всё складывается, и он начинает кипеть! А что уж за блюдо получится, зависит от Вас. Никогда не стоит отчаиваться!»

При одной из первых встреч он подарил нам свою книгу, посвящённую декабристам, «В мятежные годы. Грибоедов в кругу декабристов».

«Ну, предисловие вы сразу можете вырвать, там не обошлось без цитат», — с грустью произнёс он.

Сейчас трудно представить, что в литературе, как впрочем, и в любом другом виде творчества, всегда приходилось оглядываться на советские инстанции.

Поэтому книга А. Д. «Чудаки» были издана в постперестроечное время. Он подарил её в одну из последних наших встреч.

С горечью думаешь, сколько бы он мог написать и сделать, если бы ему не мешали. О нём можно было сказать из Маяковского:

«Мне
и рубля не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель на дом.
И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо».

Точно знаю, что А. Д. Тимрот хлопотал о наших стихах, только время изменилось, видимо, безвозвратно — заржавело. Несмотря на то, что не получилось, до конца признательны ему — благодарному и чуткому человеку. Он возник неожиданно как тень отца Гамлета и изменил всю нашу жизнь, сочетав её с литературой своим поздним благословением.

В отличие от семинаров, где ведущий гребёт от себя к себе, постоянно повторяя заученные годами формулы, мы сподобились быть свидетелями и слушателями А. Д. Разговорная речь, свет от настольной лампы, приклеенный к старым обоям, где поблёскивание гравюр и книги, книги...

После каждой из этих бесед можно было снова глотать чёрствый воздух вечерней Москвы и жить, вглядываясь в звёзды. В этот момент я не помнил о банковских счетах, о парусах мятежной жизни. Его голос словно уставший, довольно низкий, какой-то крылатый продолжал звучать. Строгий человек с ясными глазами и потаённой радостью... Он зажгёт нас как сырой мелкий хворост опытный лесник, предварительно умелыми руками выстроив подобие колодца. Этот костёр до сих пор не погас.

Об авторах.

Валерий Ясов (Бальцев) — член Творческого Союза художников России, поэт. Художественные работы находятся в частных коллекциях России и за рубежом. Марина Озерова — член Союза писателей России, журналист. Участники интернет-проекта СТИХИ.RU.

Александр Дмитриевич Тимрот.

ЧЕРНЫЙ ЛЕС

Быль¹

Я не смог бы возродить событий Черного леса, если бы не знал рассказов моей матери. Она поведала мне рассказ-быль как великую для нее и для меня тайну. Ее знали несколько человек, уже ушедших с земного поприща. Может быть им и было бы неприятно все, что я записываю, но с возрастом, когда жизнь идет к концу, я решил рассказать моим потомкам, (может быть) далеким, правду моего рождения и дать некоторую правильную оценку моих детских лет. Все официальные данные регистрации прошлых лет и пришедшие как факты в мою жизнь врут. И врут невольно, так как правда скрыта в связи с теми событиями, которые совершались в годы печально знаменитого мятежа на Волге². Мятеж, поднятый Савинковым³ на Волге был жестоко подавлен, по рассказам, Троцким, расправлявшимся беспощадно с городом и с людьми.

¹ Данный текст, имеющий характер дневниковой записи, не предназначался для печати и потому не был отредактирован автором. Описываемые события, известные автору по большей части с чужих слов и положенные на бумагу в весьма преклонном возрасте, неизбежно содержат неточности. Наиболее явные (ошибочные датировки) мы исправляем и отмечаем эти исправления в примечаниях. Остальное мы наверное никогда уже не сможем уточнить. Незначительные стилистические поправки не оговариваем. Слова подставленные нами для связности речи ставим в [квадратных скобках]. Заключенное в (круглые скобки) и подчеркнутое принадлежит автору. *Иеромонах Амвросий (Дмитрий Александрович Тимрот)*. (Все нижеследующие примечания также о. Амвросия. Ред).

² Антибольшевистское восстание в Ярославле (в советской историографии «Ярославский мятеж») происходило 6-22 июля 1918 г.

³ Савинков Б. В. (1876-1925) – до революции эсер, террорист, после – один из организаторов сопротивления большевикам.

Монастырь Казанский (под Даниловом) в отдалении был окружен «Черным лесом», как звали его старожилы за вечный мрак, царивший под ветвями его полупроходимой сосновой и еловой чащи. Теперь от этого леса, насколько мне известно, остались одни пни, которые секут на дрова местные жители, а также пасутся козы и изредка коровы.

Старый «Черный лес» давно отступил от монастыря, и едва ли след его сохранился на старинных картах.

Приступаю к делу.

Отец мой никогда не принимал участия в мятеже, хотя белое (повстанческое) руководство предлагало ему (как бывшему председателю губернской Земской Управы) руководить во время мятежа хозяйственными [делами] города (т. е. принимать активное участие в мятеже). Отец решительно отказался, больше по причине неверия в успех мятежа, а также не будучи человеком «идейным» политически. Он собрал свою семью и увез в имение в Даниловском уезде — село Торопово. Семья была большая, старший сын был лет семи-восьми, остальные совсем маленькие. И я в то время родился и был [бы] крещен в Воскресенской церкви. Раньше [меня] там же была крещена моя сестра и [другие].

События, о которых я записываю, происходили в 1918 году¹, самом беспощадном для местного крестьянского населения. Прибывшие из «уезда» каратели расстреливали каждого виновного и невинного. А так как по невежеству и по [недостатку] времени [были] неспособны разобраться в деле, ставили на краю ямы и расстреливали через несколько человек каждого.

До карателей дошел слух, что всеми бесчинствами руководит местный помещик, то есть мой отец. Моя мать, будучи крайне решительной женщиной, [при появлении] карателей смело заявила, что мужа ее нет. Он [же] скрывается в лесах, боясь несправедливой расправы. Каратели, не имея в руках моего отца, расстреляли [по] пути человека с ружьем. Мать мою не тронули. Она добралась до Черного леса и в назначенном месте, в будке (брошенной) нашла отца и еще несколько верных [скрывавшихся] лиц. Лес был пуст. Сторожа разбежались. Железная

¹ Исправлено. В тексте ошибочно: «в 19-22-годах»

дорога (узкоколейка) давно не действовала. Шел 1918 год¹. Мать, [тоже оставшуюся в лесу,] оберегал отец; [а к нему самому тогда пристало] клеймо «Керенский²»: так звали его по причине, будто он возил Керенского (было от чего скрываться!) В конце сентября, недоношенный недели, я родился на свет. Рождению помогали мой отец и тетка Варвара³. Оставаться в лесу было небезопасно. Мой дядя решил перевезти мать и меня (младенца крайне слабого) в дом Соболевых на Волге⁴, который еще не был занят. Когда мы явились (с матерью), там праздновали (весьма скрытно) день «Веры, Надежды, Любви и матери их Софии»⁵.

Т. к. в городе было крайне неспокойно, то вызванный священник Николо-Надеинской церкви, перепуганный событиями, отказывался крестить. Каврайский и учительница духовного училища уговорили окрестить меня, но при условии указать, что это было не в 1918 году⁶, а несколько раньше, до мятежа. На том и порешили. Так младенец был записан старым числом. После этого я прожил в доме Соболевых до тех пор, пока не улеглись карательные меры, и отец смог переехать в Данилов [и служил там], (секретарем вначале, [позже] даже судьей)⁷. Прожил я у Соболевых, при содействии инженера Каврайского, до четырех лет, так как я был очень слаб, [но потом] меня решили взять в еще не отобранное имение.

Братья и сестра приняли меня не очень доброжелательно. Оберегала меня мать. Помню, как она пела «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал, ... будет время, сам узнаешь бранное житье». И я всегда перебивал ее и спрашивал: «А когда

¹ Исправлено. В тексте ошибочно: «шел 21-год »

² Исправлено. В тексте не ясно: «мать оберегали отец и [нрзб. – клеймо –?] «Керенский»...

³ Варвара Степановна Соколова, подруга Натальи Михайловны Тимрот, крестная А. Д. Тимрота.

⁴ Видимо, дом в Ярославле, где семья Тимротов жила до революции.

⁵ 30 (17 ст. ст.) сентября.

⁶ Исправлено. В тексте ошибочно: «не в 21 году ». По документам А.Д. Тимрот родился в 1915 году.

⁷ Видимо, речь идет уже о событиях 1920-х годов.

будет это время?» Мне очень хотелось, чтобы это совершилось скорее.

Я рос очень своевольным и в ответ на «подкидыша» — гордым. Никому и ничему не подчинялся. Когда (помню), задергивали шторы, я срывал их. Нас собирали и спрашивали: «Кто?», отвечал: «Я». Я боялся темноты. И ненавидел сказки. Мне все время хотелось убежать из дома. Это удалось мне только в 14 лет, так как мы с товарищем убежали [но] только к Ростову, и таились там под видом «ловцов кротов». Мечты наши летели в тайгу. Но это была утопия.

Дальнейшая моя биография, [то же], что и сочинения. Я ничего не выдумывал, и только случайное кое-что называл «рассказ». Биография вся моя в сорока тетрадях дневников. Там нет лжи. Тридцать с лишним сочинений — это моя такая же биография, и теперь, когда мне 81 год¹ врать не подобает.

2

А. Тимрот.
7 марта 2000 г.

-
- ¹ В тексте ошибочно: «78 лет» Исправляем, исходя из даты рождения, указанной в тексте
- ² "Ошибочно" (за неимением лучшей) приведена фотография не Александра, а старшего брата Дмитрия. 1912 г. Торопово. (Ред.)

Владимир Александрович Тимрот

ДВЕ СТРОЧКИ ОБ ОТЦЕ...

...Отец воевал с июня до осени 1941. Он почти ничего не говорил об этом времени. Под Ленинградом его тяжело ранило и он был комиссован. В середине 1942 он снова попал в армию и долго мыкался по разным офицерским школам, артиллерийской, танковой откуда его выгоняли то за фамилию, то за соц. происхождение. Наконец он попал в маршевую роту и рядовым пошел на фронт. Счастливой ошибкой стало то, что вместо Тимрот записали его *Тимров* по малограмотности и спешке.

На формировке он оказался в разведке 48 гвардейской стрелковой дивизии (так она была названа после Харьковского провала 43 года), так как знал немецкий и был грамотным. На фронте он был с декабря 1942-го (операция Малый Сатурн), выжил в Харьковской операции февраля-марта 1943, участвовал в Курской наступательной операции, боях на Украине, Операции Багратион в 1944, боях в Восточной Пруссии и, наконец, в штурме Берлина.

Рассказывал о войне отец только смешные истории, про "Солдата Дурышкина", про каких-то непутевых ездовых. Ордена¹ надевал редко, на многие медали имел только бумаги, выданные на фронте. Иногда, 9 Мая, когда и в другой какой день, бывало приходил сильно навеселе, и говорил мне, что встретил "настоящего фронтовика".

Вечная ему память.

¹ Награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны 2-й ст., медалью за боевые заслуги.

**Копиями фотокарточек и снимков плембл
вооружения себе не имеющих
не имеют — задерживать.**

1. Фамилия Митров

2. Имя и отчество Уленовар Димитр

3. Звание и должность старшина
команды в войсках

4. Наименование части (учреждения) 4896 СР
Кубоженский РЗ-Ор. Свободная
миссия Византия

5. Наименование подразделения (батальон,
полк) 476 инд. мото-разведыват. роты

6. № личного знака 18

Личная подпись владельца книжки: Димитр

Печать: Боевой командир
на территории
Войны
фотоаппаратом:
владелец книжки: (подпись)

Команда по: Сент 1945г.

Место:
(записи нет)

7. Общие сведения

1; Номер военно-учетной специальности 10.

2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или вуз, то указать его название) окончил Высший Институт Педагогический Институт

3. Национальность русский

4. Год рождения 1915.

5. Год призыва (указать также—нормальный или досрочный призыв: 6. Октябрь 1941 года.

6. Каким военкомдом признан курсом
ским РКК в Ярославля

7. Специальность до призыва Учитель ср. школы

ГОРЬКАЯ СОЛЬ ЗЕМЛИ¹

Войн не существует! Это зависть ничтожного Каина к труженнику Авелю.

Видел ли ты войну, чтобы Каин был убит? Умирает Авель. Это убийство Каин называет "войной"; это бессмысленное слово — обман для Авеля. Иначе Авель не пойдет ради Каина убивать такого же, как он, Авеля...

В своей книге Александр Дмитриевич передал нам свои фронтовые воспоминания, свое ощущение ВОЙНЫ. Эта книга развилась из документальной повести, в ней говорится о действительных событиях Великой Отечественной войны.

- Пролог
- Женщины русских деревень
- Не плачьте о нас, мальчишках
- К переправе
- Не убей
- Купель
- Любовь на крови
- Новобранцы
- Чумак и Никитин
- Первая ночь
- Ночи без луны
- Крещение огнем
- Степные версты
- Мы гвардейцы
- Семь дней в июле
- Госпиталь
- Рота продолжает путь
- До последнего залпа...
- Эпилог. Бывало ли с вами так?

¹ А.Д. Тимрот. Горькая соль земли. – Калуга: Эйдос, 2005. – 515с. ISBN 5-93810-058-5

...И снова в голове вертится странное слово «ВОЙНА». Бомбы, огонь... Зной, голод, смерть... Нет! Не то! Это странное слово «ВОЙНА» — когда нет земли, нет неба, нет Солнца, нет Звезд... Когда исчезает Человек, и кровь его, живая, горячая, пропитывает землю, когда Земля становится Болью, заменяя стон самого Человека.

...Крутит воронкой злой ветер сухие слова-листья: «К Празднику! К Празднику! К Празднику!» Шуршит, крутит, бросает и гонит, разносит черные стаи слов: «К Празднику! К Празднику! К Празднику!» Ни листьев, ни ветра, ни слов — крутит воронкой метельной разгульная Смерть... «Что, Праздник?»

Красным кружком отмечен на карте... Минусы, плюсы, сотни и тысячи, танки, орудия, машины и головы, головы, головы.
— С Праздником! С Праздником! С Праздником!

Радость, народная, слезы от счастья! Праздник! Салюты! Победа! Ураааа! От края, до края — Ура!

Дымным закатом, багровым рассветом грохочет степь... Катятся волны серых шинелей, мелькают, ушанки и каски. Трещат пулеметы. Рвутся огнями — столб за столбом. Взлетает земля. И сквозь, дым и свист: «Вперед! Вперед! Вперед! К Празднику! К Празднику!! К Празднику!!!»

Стоны и кровь глотает земля. Пьет за Праздник багровую жижу! Крутит, уносит плюсы и минусы, цифры десятками, сотнями, тыщами — «К Празднику, к Празднику, к Празднику». Кровью написано. Ветром обсушено — листья сухие, бумажные, мертвые цифры уносятся к празднику...

...И тихо над степью...

Летят караванами птицы тяжелые, машут и машут могучими крыльями. Плачут, все плачут над Горькою Солью Земли.

«С Праздником, с Праздником, с Праздником»...

Лейтенант Георгий Дмитриевич Тимрот. 1941 г.

Михаил Глазков¹

ГЕОРГИЙ ТИМРОТ

«Страшные дороги фашистской неволи привели нас с Георгием Тимротом в концлагерь „Норд“ на Волыни. Мы были с ним в одном бараке, укрывались на нарах одной, чудом уцелевшей шинелью. Тяжелораненый Георгий переносил ужасные мучения...

Оказалось, он тоже с Ярославщины, из села Торопово. Перед войной с отличием окончил Московский институт железнодорожного транспорта, но только работать ему не пришлось – добровольцем ушел на фронт. Командовал взводом минеров. Под Острогжском, взрывая мост, попал в лапы врага.

Узнав, что его прадед – выходец из Пруссии, гитлеровцы начали всячески склонять молодого инженера работать на них. Но воспитанный Ленинским комсомолом лейтенант Тимрот наотрез отказался. Голodom и пытками немцы хотели сломить его упорство. После каждого вызова в лагерную комендатуру Георгия приводили в барак избитого, в кровоподтеках. Но он не склонил головы. И тогда фашисты убили его...

Сейчас, работая учителем в деревне Скоково под Даниловом, я часто рассказываю ребятам о мужестве земляка-комсомольца, учу их любить свою Родину, как любил ее Георгий. Война оборвала его жизнь, как песню на самом запеве. Но память о нем не умрет в сердцах благодарных людей.

Павел Костров».

* * * * *

С удивленьем слышу я порою,
Возражение сдержав едва:
«Спите, безымянные герои...»
И тому подобные слова.

Как же так –

герои да без имени?!
Может, как в библейских чудесах,
Без идей, без плоти,
словно дым, они
Некогда витали в небесах?

Или поседевшие до времени,
Смерти поддаваясь черта с два,
Шли в штыки –
без роду и без племени,
Как Иван, не помнящий родства?

Нет!

Не безымянны те, кто отдали
В справедливом яростном бою
На родимой Волге иль на Одере
Жизнь свою и молодость свою.

¹ Поэма опубликована в сборнике "Биография края моего". Ярославль. 1967 г.

* * * * *

Зловещ пустынный берег правый.
Вот-вот появятся на нем
Враги галдящею оравой
И ошестинятся огнем.

Как будто вековой лирой
Тайга звенит, близка до слез,
И он, Георгий, с нивелиром
Пришел сюда, чтоб строить мост.

В кромешном грохоте и гаме
Вперед рванутся в полный рост.
И под чужими сапогами
Застонет, как от боли, мост.

О, как смещаются порою
Понятья! В том войны вина:
Рукам, привыкшим только строить,
Велела разрушать она...

Не дать пройти! Пригнать к земле их,
Чтоб загорланили – Майн готт!
...Насторожился левый берег.
В окопах – тимротовский взвод.

А смерть уж автоматным дулом
Глядела Тимроту в лицо,
И мертвой хваткою сомкнулось
В кустах фашистское кольцо.

Под мост заложена взрывчатка.
И шнур – в руках, как приговор.
Пусть прут теперь настилом шатким
Под сокрушительный топор.

Гремят за бруствером гранаты,
Но боевой закон таков:
Дерутся яростно солдаты, –
Редее горстка смельчаков.

Знал командир: верны ребята
И точно выполняют приказ...
Журчит Оскол на перекатах,
Бежит, скрываясь из глаз.

Вот лейтенант, сраженный пулей,
Упал со стоном на откос.
Но слышал он: со страшным гулом
Взлетел и рухнул в воду мост.

Как будто нет войны в помине
И над безмолвием полей
Не «мессершмитты» в небе синем
Летят, а стаи журавлей.

Бой отгремел, кругом посеяв
Опустошение и тлен.
Паучьи щупальцы на шее –
Плен.

* * * * *

«Теперь уже птицы в родимом краю
К далеким морям отлетают.
И лишь от рябины не тянет на юг
Дроздов говорливую стаю.
Уставлено поле суслонами ржи,
Телеги скрипят на дорогах...»

— Согласны ли
 родине предков служить?
Мы знаем о вас уже много!
Ваш прадед ведь был
 чистокровный пруссак.
Один фатерлянд у нас с вами. Ну, как?

«Над Волгой рассветы сейчас холодны
И резки гудки пароходов.
Далекие бакены ясно видны
В такую сухую погоду.

Бывало, приедешь сюда из Москвы
С друзьями-студентами вместе...»

— Считайте за высшее счастье, что вы
Такой удостоились чести!

Даем мы вам весь этот лагерный скот,
Постройте нам мост —

и награда вас ждет.

Свобода вам в руки дается сама.

Ужель кандалы, что влачите,

Вас, жадного к жизни,

не сводят с ума?

Так что же вы, Тимрот, молчите?

Даєте согласие?

На это в ответ

Георгий бросает решительно:

— Нет!

Лицо у эсэсовца — мела белей:

— Последнее слово: согласен?..

Хоть жизнь молодую свою пожалеи,

Никто ведь пред пульей не властен.

Ты будешь сегодня ж валяться во рву,

Скажу — и пойдешь в крематорий!

Пойми, инженер, я твой разум зову
К прозрению, не будь же упорен!
Так жизнь или смерть?

И Георгий в ответ

Опять выдыхает с презрением:

— Нет!

О как, штурмбанфюрер,

ты жалок в глазах

Его, патриота России!

Ты волен над плотью,

но в душу ни страх,

Ни подлость посеять не в силах.

Она не доступна врагу никогда,

Она не продажна вовеки.

И смелость, которой берут города,

В советском жива человеку.

Такому дороже свободы любой,

Дороже и собственной жизни —

Большая, Святая

Сыновья любовь

К его воспитавшей Отчизне..

— Что ж, будем с тобою

другим языком!

И пленного бьет офицер кулаком.

* * * * *

В бараке холод на рассвете,

На нарах сон нейдет давно.

И зарешеченное светит

Надеждой слабою окно.

— Не спишь, Георгий?

— Нет, не спится...

Забыл снотворного принять.

Пойти, что ль, взять его у фрицев:

Мол, не могу на жестком спать.

— Все шутишь, Гоша. Шутки плохи

С таким, скажу тебе, зверьем.

— Не бойсь, старик,

не съели б блохи,

А там до свадьбы доживем.

Не нам, а им, Павлуха, плакать,

Придет пора — она близка,

Когда вся эта злая пакость

Почует гибель у виска.

А как свобода дверь откроет –
 Тебе ребят учить, а мне...
 Эх, я таких мостов настрою,
 Что и не снилися во сне!
 Жизнь, рано ль поздно, отмечает
 Все, что ей противостоит.
 Он помолчал. – Уже светает.
 Ты вот что, подремли, старик.
 ...Сам видел мысленно столицу,
 Свой институт, жасмина цвет,
 Друзей торжественные лица,
 Оркестра праздничную медь.
 Вот он в руках – диплом с отличием!
 Путевка в дальние края.
 Но репродуктор непривычно
 Вещал сурово о боях.

Перрон тревожного вокзала,
 Кольцо девичьих рук оплечь
 И – стук колес. Иль показалось?
 То – стук сапог, чужая речь.

«Опять за мной конвой проклятый».
 В дверях – зелёная шинель:
 — 5365-й!
 В комендатурен бистро! Шнель!
 — Бывай, Павлуша, нос не вешай!
 Коль не вернусь, прощальный мой
 Поклон родным –
 зайди, утешь их...

В свинцовом небе птицей вещей
 Всплывало солнце над землей.

* * * * *

Там, где синеет мирно даль и близь,
 Где речка на долине русло роет, –
 Венчает холм дощатый обелиск,
 Под ним лежат бессмертные герои,
 Безмолвно тайны страшные хранят,
 Но Родина их помнит поименно, И
 грабы у подножия стоят,
 Чуть приспустив зеленые знамена.
 Сейчас бы им в покосах зоревать,
 Мять сено на возах ли, на стогу ли...
 Да проросла в глазницах сон-трава,
 Тихонько обойдя корнями пули.
 Им никогда уж не встречать зари
 Не целовать невест за ивняками.
 У изголовья лишь звезда горит,
 Зажженная девичьими руками.
 Под солнцем пролетают журавли
 К гнездовьям, все стремительней
 и выше.

Я верю – погребенные их клич
 Не хуже нас, живых,
 в могиле слышат.
 И если мимо звездного холма
 Пронесется с учений наши танки, –
 До слуха долетают те грома,
 Как реквием последней их атаки...

Давайте будем мы достойны их,
 Не пожалевших жизнь свою едину
 И не допевших песен молодых
 В тяжелую для Родины годину.

За мир мы все ответственные
 вдвойне.
 Вот потому немеркнуше и близко
 Живым напомним о войне
 Горит звезда
 над скорбным обелиском.

* * * * *

Коллектив тороповского клуба к 20-летию Победы поставил спектакль "Георгий Тимрот" по мотивам поэмы М. Глазкова. Сцена из спектакля.

После премьеры. Михаил Иванович Глазков (слева) и заведующая клубом Ольга Федоровна Шишова.

ЛЕТОПИСЬ ТОРОПОВА

ФРОНТОВИКИ

*Открытие памятника-обелиска павшим
воинам-землякам в Торопове.*

*Открытие памятника павшим воинам в Мишутине.
9 мая 1985 год.*

Участники Гражданской и Великой Отечественной: Малков Иван Михайлович, Дорожкин Петр Александрович, Озеров Александр Иванович, Лавочкин Илья Федорович.

Фото на стр. 62. с. Торопово. Участники ВОВ.

Вверху: 1950 год. Первый ряд И. Е. Толстопятов, Л. Ф. Харламов, А. И. Озеров, Н. Т. Лисицына, И. М. Малков, К. Д. Гудков, Ф. В. Пелевин, А. В. Овчинников; второй ряд А. В. Мельников, П. А. Дорожкин, А. И. Григорьев, Н. Роцин, И. Ф. Лавочкин, А. В. Баринов, К. И. Козлов.

Внизу: 1971 год. М. А. Озеров, С. И. Щербаков, В. П. Карев, Н. Чернов, Н. Ф. Вязников, Л. Ф. Харламов, А. В. Овчинников, Е. С. Орлов, Д. С. Васильев, С. П. Максимов, Ф. Ф. Кононов.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ КОПЕЙКИН

После 7-го класса я отправился учиться в Ярославское ремесленное училище на литейщика. Училище закончил в 43-м году и сразу устроился работать на автозавод. Но поработал недолго, в мае 43-го года получил повестку, в которой было указано: в такой-то день, к 9 часам утра, явиться в сталинский военкомат. Пришли к назначенному сроку, а нас сразу — в строй, выдали сухой паек на один день.

Хорошо помню, какие в пайке были продукты: яичный порошок, кусковой сахар и 4 больших, почти с буханку, сухаря. Повезли в Ростов, там в лесу была база, где обучали разным военным специальностям. Я попал в саперную часть, где четыре месяца учился обезвреживать и устанавливать мины. Часто вывозили в поля на практические занятия: одна группа устанавливает взрывные устройства, а другая обезвреживает их. Потом повезли в Калининскую область, где шли бои. Нас вооружили и послали разминировать поля для прохода наших танков. На минном поле освобождали проход шириной в 6 метров и обозначали его флажками.

С саперным батальоном дошел до Кенигсберга, прошел всю Пруссию. Занимались разминированием местности — для прохода наших войск. Случалось, минировали мосты и промышленные объекты. Передвигались пешком, а взрывные устройства, амуницию везли следом на обозах. Подолгу нигде не задерживались, наши войска вели активное наступление на врага.

Запомнились бои под Ржевом: три дня не прекращались бои за этот город. Мы подошли к берегу, а немец на той стороне реки. И у врага преимущество: его берег высокий, а наш низкий, мы у немца на виду. Собирали понтоны для переправки техники. Солдат на понтоны не пускали — переправляйся как хочешь. Разбирали дома, делали из них плоты. Протянули стальной трос до другого берега, закрепили его, и по этому тросу, держась за него,

солдаты перебирались на другой берег. И все это под непрерывающимся огнем врага. Четыре раза мы штурмовали высокий берег и снова отступали. Сколько солдат там полегло, не счесть. Наш батальон послали в поле за Ржев — в случае, если пойдут немецкие танки, остановить их огнеметами. Всю ночь ждали, но танки на наше счастье не пошли, а пошли бы — неизвестно, остались бы мы живы или нет.

Победу встретил в Латвии. Стоял я на посту, смотрю идет разводящий и ведет мне на пост подчаска. Ну, думаю, что-то случилось, спросил у подчаска. Охрану укрепили, стоим, ждем. И часов в 11 вечера началась такая канонада трассирующими пулями в воздух! А разговоры о победе уже велись, и мы сразу поняли, в честь чего такой салют, стали с подчаском тоже палить, все патроны выстреляли.

После Победы поехал домой не сразу. До 46-го года служил в Латвии в роте охраны. А под самый Новый год демобилизовался и приехал в домой в Торопово. Устроился трактористом, а через два года назначили бригадиром тракторной бригады. Жил с матерью, строил дом. А когда достроил, перебрался в него с матерью, и невесту себе присмотрел в соседней деревне.

Интервью Татьяны Яхиббаевой, 2002 г.

Тропкин Дмитрий Арсентьевич

В донесении было сказано всего несколько строк: «При штурме города Фрауэнберг и уличных боях отличился командир взвода старший сержант Д. А. Тропкин.»

Было это в восточной Пруссии в феврале 1945 г. А в июне 1944 г., за несколько дней до начала белорусской операции, сержанту Тропкину была вручена медаль «За отвагу» и зачитан приказ о присвоении ему звания старшего сержанта и назначении его на должность командира стрелкового взвода. В ночь на 24 июня взвод старшего сержанта Тропкина пользуясь подручными средствами скрытно форсировал реку Друть и сосредоточился в камышах неподалеку от переднего края противника. По окончании артподготовки взвод первым ворвался в траншеи гитлеровцев. В рукопашной схватке смельчаки уничтожили более 20 фвшистов и несколько пулеметных точек. Действия взвода Тропкина дали возможность захватить первую и вторую траншеи противника, а также обеспечили быстрое продвижение вперед остальных подразделений батальона.

В последующих боях взвод успешно форсировал реки Добысна и Ола. Своими смелыми и решительными действиями он во многом способствовал разгрому сильного опорного пункта противника в деревне Поповцы.

За активные боевые действия, проявленные во время окружения и уничтожения бобруйской группировки противника, старший сержант Тропкин был награжден орденом Красного Знамени. Получили ордена и медали многие бойцы его взвода.

После боев за освобождение Белоруссии шли бои на территории Польши, восточной Пруссии. Много было боев, много было совершено и подвигов.

Последний боевой подвиг Тропкин Дмитрий Арсентьевич совершил в городе Фрауэнберге. В течение двух дней дивизия, которой я в то время командовал, вела упорные бои за этот город. Противник неоднократно переходил в контратаки при

поддержке танков и самоходных орудий, всячески стремился не допустить наши части в город.

Утром 8 февраля бойцы ворвались в город. В числе первых среди штурмующих был взвод Тропкина. Целый день на улицах шли бои, неоднократно нашим бойцам приходилось вступать в рукопашную схватку. В одной из них был тяжело ранен старший сержант Тропкин. А через несколько дней он скончался в медсанбате.

С воинскими почестями Дмитрий Арсентьевич Тропкин был похоронен в братской могиле в поселке Беткендорф, в освобождении которой он принимал участие. Сейчас этот поселок находится на территории Польской народной республики.

С. Цыпленков, полковник в отставке. 1970 г.

Война кончилась, домой
Не пришел ты, сын родной.
Не пришел. Не пожалеешь
Ни отца, ни мать свою,
Коле с Валею не расскажешь,
Как сражался ты в бою.
Не пришел,
 в кружок не сядешь
Ты к девочкам пошутить.
Тебя милый сын любимый
Нам до гроба не забыть.

Далеко от родного дома
Ты зарыт в чужой земле,
На твою могилку, Митя,
Не придет ни кто к тебе.
Не придет и мать родная,
Слез горячих не прольет,
И твою могилку Валя
Разукрасить не придет.

*Арсентий Дмитриевич
Тропкин*

ГРАЧЕВ БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ.

Родился 8 августа 1922 года в деревне Шевлягино Даниловского района. Окончил 7 классов в селе Вахтино. В августе 1941 г. был призван в армию в воздушно-десантные войска. В феврале 1942 г. в составе 9-й воздушно-десантной бригады был заброшен в тыл врага в Смоленской области, участвовал в ее освобождении. Действовали в тылу до 1943 г., затем соединились с регулярной армией и дошли до Эльбы, где встретились с союзными войсками. Демобилизован в декабре 1946 г. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями "За отвагу", "За

победу над Германией" и многими юбилейными медалями. После демобилизации работал финансовым агентом, затем 17 лет, до пенсии, в магазине. Умер в 2001 г.

“Хорошо помню один бой в августе 41 года под городом Ельня. Наша рота находилась в лесу, а впереди поле и деревня. Был уже поздний вечер. И вот нас собрал командир и сказал: "Деревню, которую мы днем не взяли, сейчас приказано захватить." Тогда мы не имели права пятиться — шаг назад, и тебя пристрелят.

Командир объяснил, что чем быстрее ворвемся в деревню, тем меньше будет потеря.

До деревни 300 метров. Но только мы вышли на опушку, как немец пустил ракету. Ракета горит, но не падает, а повисает в воздухе на парашютике. И нас встретили ураганным огнем.

И только слышим команду "Вперед! Вперед! Вперед!" Стоны раненых. Убитые падают без стога.

Когда подошли к деревне, идти в атаку было уже не с кем. Прозвучала команда "Подготовиться к атаке!", но "Вперед, в атаку!" так и не последовала.

Я поднялся ночью, огляделся. На этом поле нашу роту и положили. Осталось 4 командира и 7 бойцов, в том числе и я. А было нас 150 человек...

Лисицына Нина Тимофеевна¹.

Родилась в декабре 1927 года в селе Петровском Даниловского района. Окончила начальную школу, затем работала в колхозе "Красная поляна". В июне 1944 г. была призвана в армию. Окончила курсы поваров и была направлена для прохождения службы в город Черкассы. В июле 1945 года демобилизовалась. Награждена орденом "Отечественной войны" II степени, юбилейными медалями, имеет благодарственное письмо Главнокомандующего Советскими войсками в Германии маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

После демобилизации работала в колхозе, а затем 40 лет технической служащей в клубе деревни Мишутино. Умерла в 2005 г.

“В армию призвали меня в июне 1944 г. Вместе с другими девочками выучилась на курсах поваров. Нам присвоили звания сержантов и отправили по частям.

Были в Польше. Сначала нас заставляли работать связистами. Но мы не могли катушки с проводами таскать: ведь, такого черта, их и не поднимешь! Тогда назначили телефонистками, у телефона сидеть. Какие только позывные в войну были! Мы путались, путались, еле изучили. Затем попали в город Черкассы. После немцев он был пустой, безлюдный. И нас стали ставить на посты часовыми охранять склады.

Мы все рёвом. "Нинка, ты стоишь?" — Я стою. "Настыка, ты боишься?" Я реву. Страшно. Стою я на посту, вот *так* шкура трясется. И кто-то ползет — проверяющий, или так, кто-нибудь. Два раза кричала, а на третий надо стрелять! А я и на третий не выстрелила. Думаю, пускай меня убьют, но я сама не могу. Если

¹ Фронтовые воспоминания Н. Т. Лисицкой и Б. А. Грачева были записаны на магнитофон учительницей тороповской школы Е. А. Джанаевой.

я своего убью! Не могу стрелять, у меня и руки не поднимаются. А подползает наш разводящий!

Он нас все просил: "Девчонки, не расстраивайтесь, потерпите. Мы вам через две-три недели пригоним мужчин на замену". Вот мы и ждали, стояли каждую-то ночь, думали: "Господи, что ж нам делать? Ведь убьют нас"...

Но вот мужчин прислали, и нас направили в Берлин пешком. По 70 км шагали за день, да еще песни пой! Так мы шагали, шагали и шагали. Все ноги стерли в кровь — у нас ведь были обмотки и ботинки, как у мужчин. Что делать? Взяли, машину остановили, да поехали. А куда поехали? Сами не знаем, знаем, что к Берлину нас вели. И все ж справились с трудностями, и до Берлина в конце концов дошли. А вскоре мы с радостью узнали, что война окончилась, и пришла долгожданная победа.

Николай Николаевич Быков.

Родился 19 декабря 1920. Окончил семилетку в Данилове, поступил в ФЗУ на станцию Урочь в Ярославле (ныне Филино), а по окончании училища пришел на железную дорогу: в депо слесарем, затем кочегаром на паровозе. Весной 1941 года по спец-набору был призван в армию и отправлен в Приднепровскую флотилию в город Феодосия в береговую охрану, оттуда – в город Козятин Винницкой области, потом в Гайсин в полковую школу младших командиров. Уже перед самой войной назначен зам. ком. взвода саперной роты.

После войны инструктор ОСОАВИАХИМА по военному обучению. Затем на Даниловском маслосырзаводе проработал 35 лет, сначала шофером, а потом заведующим гаражом. 12 лет бессменно был председателем заводского профсоюзного комитета, 30 лет был народным заседателем с районном суде, 15 лет – членом коллегии по уголовным делам областного суда.

“Я был старшим сержантом, заместителем командира взвода. А звание было еще не присвоено. Нам говорили, поработайте, потом все будет. Было...

Ночь на 22 июня 1941 года, солдаты спят. В палатках жарится, и все раздеты до трусов. Вдруг страшный грохот! Соскочили, заметались, ничего не понимая. А вокруг уже взрывы, дым, стоны. Волна за волной шли мессершмитты, хейнкели, юнкерсы, фокке-вульфы и сыпали на нас бомбы, что картошку из мешка. Из 120 замечательных ребят живых нас вышло всего 19. А недалеко было шоссе, и немцы шли по нему, уверенные, веселые, с засученными рукавами. Вокруг все горело. Мы лежали. Видим, ползет старшина. Говорит, пойдём, полковник особого отдела вызывает. А мы в трусах, я только и успел из пирамиды винтовку выхватить и 7 патронов – в руку, да ноги в сапоги сунул. “Нет, – говорю, – я в таком виде к полковнику не пойду”. А он говорит: “И мы такие же, идем”.

Полковник приказал принять командование всем, что осталось от саперной роты – несколько полуторок и те 19 человек. А вести роту предстояло до Белой Церкви, это украинский город областного значения на границе Киевской и Винницкой областей. Дали карту, компас, планшет и устно присвоенное звание

лейтенанта. Старшина принес брюки и револьвер системы наган. Вернулся к ребятам, жестко доложил обстановку: "Самозванцев нам не надо, а оставшейся ротой командовать поставлен я. Ясно?" Никто не прекословил...

Начался, может быть, самый морально тяжёлый во всей войне путь по немецкому тылу, до своих. В Белой Церкви, предполагалось, должны быть кадровые части. Добраться до них и развернуться лицом к противнику — такая стояла задача, и она не казалась нереальной. Мы были молоды, полны жизни, здоровые, живые, и надежда росла. По дороге к роте присоединилось еще 11 человек.

Вот дошли до первого села, я выделил двоих для разведки: "Узнайте, есть немцы в этом селе?" Они быстро вернулись и доложили: в самом селе немцев нет, но на выходе, на берегу пруда 4 большущие машины стоят, рядом — пьяные немцы, в трусах, играют на губных гармошках, девахи с ними, визг, пляска. Я посоветовался с ребятами: "А давайте кувырнем их! Чего мы теряем?" Разделились на три группы по 10 человек, две группы с флангов зашли, одна — в лоб. И набросились на немцев с такой злобой и решительностью, что в минуты все было готово: несколько немцев убито, семерых взяли в плен. Правда, один наш солдат тоже был ранен. Открыли машины. В одной оказались гробы, в начале войны немцы хоронили своих в гробах. В другой — обжорки полно: от шоколада до коньяка. "Ребята, говорю, замечу кого пьяного — выгоняю, с нами не пойдет. А по бутылке водки с собой взять все же надо. В третьей машине было оружие, обмундирование и постельные принадлежности. А четвертая предназначалась для перевозки раненых. Откидные сетки по стенам, удобно, человек 100, наверное, убиралось. Машины я приказал раскурочить, ребятам — вымыться, переодеться, взять с собой, что нужно. Немцам сказал: "Кормить мы вас не будем, берите свое". Вот они обрадовались! А переводчика у нас не было, по-немецки знали только: гутен морген да гутен таг.

До Белой Церкви они дошли, но город был уже взят немцами. Пришлось повернуть к Киеву. И вскоре наткнулись на оборону. Наши! Привели меня к подполковнику. "Что за часть?" — спрашивает. Я доложил. "Почему без знаков различия?" — "А кто

мне будет давать эти различия? Вот у меня удостоверение". А удостоверение было, по счастью, с печатью, с подписью полковника особого отдела. Это и спасло — подполковник приказал располагаться. Но участь роты еще не была решена. "Ребята, нас будут принимать. Вымыться! Подшить воротнички! Почистить сапоги!" Разыскали две бани, привели себя в порядок. И тут приходит капитан особого отдела: "Быков? Тебя вызывает майор особого отдела".

При входе стоят двое часовых. Винтовки скрестили: "Сдай оружие!" А у меня пистолет был и немецкий трофейный автомат "Шмайсер". Нет, говорю, ребята, я оружие сдавать не буду, оно мне в бою досталось. Капитан дал команду пропустить. Заходим в помещение, там большой Т-образный стол стоит, скамейки опрокинуты, похоже, заседание какое-то было. Сидит пожилой майор, два ордена Боевого Красного Знамени на груди, и трое гражданских, одетых во френчи с карманами, как у Сталина. "Разрешите, говорю, доложить, товарищ майор". А он меня оборвал: "Мы тебе не товарищи! Тамбовский волк тебе товарищ! Вы — дезертиры, вы оставили границу и драпали оттуда".

— Слушай, майор, — сказал он особисту. — Что же ты не на границе, а в Киеве? — Майор вскочил и за пистолет!

— С этим не шутят, ты не успеешь его из кобуры вынуть — я в тебя очередь всажу! — Люди в штатском остановили горячего майора, начался разговор.

— А у меня карта, — говорю, — на которой старшина помечал все маршруты: где мы натыкались на немцев, где — немцы на нас. Вот мы участвовали в боях, и с нашей стороны были убитые.

Ну, я разостлал эту карту, показал все документы, что имелись. Какие же мы дезертиры? И майор сник: "Выйди, решим, что с вами делать"... Я ждал 15 минут.

"Вас будут принимать по разным частям", — объявили наконец судьбоносное решение. А ребят уже нет, только записка на вещмешке: "Товарищ командир, большое спасибо, что мы остались живы, нас разводят по разным частям". И подписи.

Вязников Николай Федорович

Вязников Н. Ф. родился в д. Демьянки Абрамовского с/с в семье Анны Дмитриевны и Федора Кирилловича Вязниковых. В семье было семеро детей (Николай – четвертый). В с. Троица окончил начальную школу. Затем учился в Данилове, но школу пришлось бросить и пойти работать.

В 1941 был призван на трудовой фронт в г. Рыбинск. Прошел обучение на механизатора. А в 1942 г. мобилизован на Балтийский флот, служил на тральщике. Был ранен, попал в госпиталь в Ленинград. Трое его братьев погибли на фронте.

После лечения в 1945 г. направлен на Дальний восток, на войну с Японией. Участвовал в освобождении Курильских островов и южного Сахалина. Воевал до победного 1945 г. До 1948 г. продолжал нести службу на Тихоокеанском флоте, в военных действиях в Корее был ранен и комиссован. Отработал в колхозе "Восход" 25 лет.

Неделяев Константин Федорович

Участник ВОВ с 1941 по 1945 г. Служил в 1-м Гвардейском ордена Александра Невского полку. За боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды, медалями "За Отвагу", "За оборону Москвы", "За взятие Кенигсберга".

БАХВАЛОВ Владимир Константинович

Родился 19 ноября 1919 года в д. Шапково Вяльцевского с/с. В борисковской школе окончил 4 класса, затем 7 классов в с. Горинское. После окончания тутаевского ФЗУ работал на ткацкой фабрике "Тульма". Призван в армию в 1939 году, был распределен в полковую школу г. Харькова. Школу окончил на "отлично", получил звание пом. комвзвода, механик танка Т-34.

Затем служба в 177 авиабазе г. Лебедин Сумской обл. в звании пом. комвзвода обслуживания авиационной техники. Перед началом войны их истребительный полк был переброшен в Среднюю Азию (г. Мары Туркменской ССР). Здесь Владимир Константинович окончил пу-

леметное училище, и тоже на "отлично", с присвоением звания лейтенант.

В 1943 г. в составе 34-й гвардейской стрелковой дивизии направлен на 4-й Украинский фронт. В сталинградской операции в боях на р. Миус был ранен, попал в госпиталь. По выздоровлению направлен в Молдавию, где на Днестре был снова ранен. Долгое лечение в госпиталях Днепропетровска, Одессы, Николаева. Затем направлен на 3-й Украинский фронт. Воевал в Венгрии, освобождал Будапешт. Воевал в Австрии, закончил войну в Болгарии.

После окончания войны направлен в г. Хмельники Винницкой области на борьбу с бандеровцами.

Демобилизовался в 1946 году, и вместе с женой Лидией Александровной вернулся домой.

Был избран председателем Вяльцевского с/с. После укрупнения колхозов работал председателем колхоза "Память Ленина". В нем Владимир Константинович проработал 20 лет.

Награды: орден Красной звезды, орден Отечественной войны I степени, медали "За победу над Германией", "За освобождение Болгарии".

Зоя Ивановна АБАКШИНА¹

Зоя Ивановна – одна из старейших учителей Даниловского района. Родилась Зоя Ивановна в деревеньке неподалеку от Мологи в 1920 году. Мать умерла рано, оставив шестерых детей, Зое было только 10 лет, а младшей сестре 3 года. Отец работал на судовой верфи, детей воспитывал сам. В 1939 г. переселили с затопляемых земель. Семья переехала в Ярославль.

После школы Зоя Абакшина окончила учительские курсы на физико-математическом факультете, и её направили работать в Даниловский район, в Вахтинскую школу, где не было учителя математики. Здесь она и встретила войну.

Война – она была одна на всех и у каждого своя. Для молодой учительницы это были уроки математики для деревенских и эвакуированных ребятшек, полуголодное существование и одиночество...

– Вначале к нам привезли детский дом из Ленинграда, – рассказывает женщина. – Потом, когда немцы взяли Калинин и подбирались к Рыбинску, ребятшек увезли подальше, к Уралу. А летом 1942 года, уже по Ладогe, прибыл еще один детдом. Эти дети все были школьного возраста, они остались у нас до конца войны. Электричества, как сейчас, не было, сидели с лампами, зимой уроки по 35 минут длились.

Эвакуированных из Ленинграда привозили страшно истощенными. И хотя помочь им, подкормить пытались всем миром, некоторым так и не удалось, вырвавшись из блокадного кольца, восстановиться, выжить...

Местные жители и сами перебивались с хлеба на воду. Учителям, по воспоминаниям Зои Ивановны, полагалось в день 500 граммов хлеба. А колхозникам и того меньше.

– Сейчас хлеба много – отрезал да и съел, сколько хочешь.

¹ По материалам газеты «Северянка», 25 декабря 2010 г.
Марина Козлова. «Школа – жизнь»

А тогда полуголодными ходили, — говорит Зоя Ивановна и бережно убирает хлеб со стола.

Огороды у учителей были у школы — каждому по полоске выделяли. Сажали картошку, лучок, морковку, свеклу. Как работали вместе, так и жили — в школьном доме, несколько человек в комнате.

После долгожданной Победы вернулся в Вахтино и учитель математики. Зоя Абакшина просила отпустить ее — очень уж хотелось вернуться в Ярославль, к родным. Но девушке вместо "вольной" предложили на выбор три сельские школы. И она выбрала Киндереву. Оттуда была направлена инструктором в райком. К своей любимой работе вернулась только через пять лет, в Торопове. Зою Ивановну ученики уважали. Дисциплина на уроках была образцовой. Молоденькие учительницы, бывало, просили её посидеть на их уроках, чтобы ребяташки вели себя хорошо. Вечером же Зоя Ивановна с грудой тетрадок спешила домой. Печку истопит, дела поприделает и — проверять работы учеников.

Так до пенсии здесь и трудилась.

Коллектив тороповской школы. З. И. Абакшина в первом ряду крайняя справа. 1975 г.

ПИОНЕРСКИЙ СЛЕТ В ТОРОПОВСКОЙ 8-ЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 30-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ (1975 г.).

Почетный караул у знамени пионерской организации школы. Председатель Совета отряда "Алый парус" Васильева Н. рапортует о проделанной пионерами работе.

Выступает участник обороны Сталинграда лейтенант запаса Михаил Александрович Озеров.

Выступает участник боев на Курской дуге, бывший артиллерист Леонид Федорович Харламов.

В почетные пионеры тороповской школы приняты Михаил Александрович Озеров и Леонид Федорович Харламов.

*Перед гостями прозвучали песни военных лет,
стихи о воинах-победителях.*

*"Где же вы теперь,
друзья-однополчане?"*

*Ветераны аплодируют
участникам концерта.*

ТОРОПОВСКИЙ ФОТОАРХИВ

ИЗ СЕМЕЙНЫХ ФОТОАЛЬБОМОВ ГУДКОВЫХ

Первая учительница тороповской земской школы Нина Николаевна Гудкова. 1949 г.

Справа: в период учебы в даниловском педучилище.

*Нина Николаевна с
братьями Владимиром
и Пантелеймоном Гуд-
ковыми.*

Внизу: на Горушке.

Из фотоархивов Тимротов

*Вверху: няня Екатерина Зоричева с Георгием (6 мес.) и Соней (детьми Дмитрия Егоровича). Торопово, 1914 г.
Внизу: Соня, няня Катя и Наталья Михайловна Тимрот на фоне людской и края барской рощи. Торопово, 1914 г.*

*Анна Георгиевна Тимрот с сыном Георгием.
(См. комментарий на стр. 87)*

*Александр Карлович фон Тимрот.
С.-Пб., ок. 1887 г. (из архива Маргарет Тимрот).*

*Инна Егоровна Тимрот и ее внук
Александр Николаевич Ушинкин.
Бургас (Болгария). 1942 г.*

*Елена Александровна
Ушинкина
(рожд. фон Тимрот).*

На стр. 84-85 Александр Карлович Тимрот (в центре), его дети Елена и Георг; сзади 2-я слева Инна Георгиевна Тимрот¹; справа Софья Егоровна Свербеева (рожд. Тимрот) с дочерью Софьей Дмитриевной. Виллар (Швейцария), 1912 г.

¹ Софья, Анна и Инна Георгиевны (Егоровны) Тимрот – дочери Егора Александровича Тимрота (1831-1909). Анна Георгиевна вышла замуж за своего кузена, Александра Карловича Тимрота, морского офицера. Дети: Георг и Елена. После революции их семья эмигрирует в Болгарию. См. «Тороповские страницы», выпуск 2, стр. 82. Фото предоставлены Петером Кузмановым.

Из наследия Ольги фон Тимрот,
в управлении барона Ганса-Ульриха фон Бухгольца.

Тимрот Григорий Александрович (Готгард фон Тимрот), 1827-1880.

Тимрот Карл Александрович (Карл Август Рихард), 1834-1895.

Биографические справки см. в ТС, вып. 2.

О службе братьев Григория и Льва в лейб-гвардии Семеновском полку (Тимрот 1-й и Тимрот 2-й) см. книгу:
Макаров Ю. Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. — Buenos Aires, 1951 (опубликована в интернете).

Тимрот Григорий Григорьевич (Готгард Фердинанд Эмерих Альберт фон Тимрот, 1868-1941, сын Григория Александровича), с супругой Александрой (рожд. фон Оффенберг, 1877-1948) и дочерьми Александрой и Ольгой (справа).

*Слева:
Лев Григорьевич
(Леон Эмиль Отто
Макс), 1873-1943.*

*Справа: Фридрих
фон Тимрот, 1910-
1945, сын Григория
Григорьевича.*

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Фотографии двух семейных драгоценностей, принадлежащих мне. Первое — это кольцо, которое передается от бабушки к внучке. Кольцу примерно 150-180 лет.

Второе — просто семейное кольцо, подаренное мне бабушкой Натальей Геннадьевной¹ на 15 лет. Золото и рубин. Кольцо принадлежало моей прапрабабушке², если я не ошибаюсь.

Одно из этих колец во время войны семья была вынуждена сдать в ломбард. И оно потерялось. Но потом, совершенно случайно, его увидели на витрине магазина и выкупили обратно. Там даже стоит клеймо ломбарда.

Наталья Андреевна Инкина.

¹ Наталья Геннадьевна Инкина. См. ТС, вып. 2, стр. 138.

² Наталья Михайловна Тимрот

В великой родине моей России
Есть маленькая родина моя
Она меня родила и взрастила
Ей телом и душой обязан я.

Все было — радовалась и выросла
Меняла облик, жизненный уклад
и каялась, лишения терпела,
но никогда не пятилась назад.

Исконный уголок моей России
Край Ярославский, я тебя люблю
Никольское, Горинское, Данилов,
Торопово, что в Куклином Углу.

И как ни велика моя Россия
Как я ни предан родине своей,
В душе моей всегда твой образ милый —
Торопово! И нет тебя милей.

Л. С. Инкин. 2011

Благодарим авторов статей

Аarmeeва Руслана Андреевича,
Михайлову Елену Дмитриевну,
Валерия Ясова и Марину Озерову

Благодарим за предоставленные архивные материалы

о. Амвросия (Дмитрия Александровича Тимрота),
баронессу Еву-Марию фон Бухгольц (Eva-Maria von
Buchholtz), Финляндия,
Петера Кузманова, Болгария,
Маргарет фон Тимрот (Margarethe von Timroth),
Финляндия

а также

Татьяну Дмитриевну Белову,
Владимира Александровича Тимрота,
Дмитрия Николаевича Тропкина,
Леонида Семеновича Инкина

за помощь в подготовке сборника.

Литературно-художественное издание
Тороповские страницы. Выпуск 4
/сборник статей и воспоминаний/

Редактор сборника Алексей Владиленович Соколов
E-mail: abc@wedge.ru

Сайт проекта <http://toropovo.wedge.ru>

Подписано в печать 15.03.2013
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12.
Гарнитуры “Литературная”, “Times”.
Тираж 150 экз.
Отпечатано в ООО “АверсПлюс”
150040, г. Ярославль, пр. Октября, 34/21
Тел. (4859) 976 922

Альманах «ТОРОПОВСКИЕ СТРАНИЦЫ»

Тороповские страницы. Выпуск 1. Ярославль: “Аверс Плюс”, 2009. – 176 с., 222 ил.

В 12 верстах от уездного города Данилова располагалось старинное село Торопово, дворянское имение Кругликовых. Почему оно так называлось, мне неизвестно. Но мне доподлинно известно, что ударение в этом слове нужно делать на втором слоге – Торо́пово. Это неоднократно подчеркивал один из представителей рода – Аполлон Кругликов в своей книге «Мои воспоминания».

Тороповские страницы. Выпуск 2. Ярославль: “Аверс Плюс”, 2010. – 196 с., 108 ил.

Я не могу себя простить что я не достаточно слушала рассказов моей Бабушки о прошлом, не записывала, не выспрашивала. Мимолетная забота текущего дня, развлеченность молодости помешали и это непоправимо. Впрочем в глубинах сознания – я желаю знать про минувшее. По моей усиленной просьбе Бабушка даже начала повесть о своей жизни. Вот все что она успела записать...

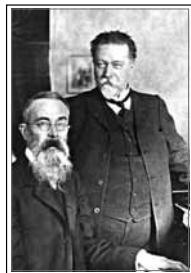
Тороповские страницы. Выпуск 3. Род Кругликовых. Ярославль: ЯрГУ, 2013.

Часть I. Родословная Кругликовых

Часть II

Семён Николаевич Кругликов
Елизавета Сергеевна Кругликова
Николай Сергеевич Кругликов
Николай Владимирович Кругликов
Аполлон Николаевич Кругликов

...

...Кругликов писал всегда сочно, со вкусом, со вкусом. Снова переживал спектакль. На ваших глазах лакомился, и у вас возбуждал аппетит. В этом его большая заслуга перед театром. Был ли он беспристрастен? К чести его скажу: – Нет. Это евнухи беспристрастно проходят среди красавиц гарема. Евнухи искусства могут быть вполне – Беспристрастны. В Кругликове было слишком много желания любить, способности любить, чтобы он мог относиться «беспристрастно» к прелестям искусства.

